
ВОЛЬТЕР
Философские повести

Простодушный
Вольтер

Аннотация
Вольтер. Простодушный. Правдивая повесть, извлеченная из рукописей отца Кенеля
Глава первая. О том, как приор храма горной богоматери и его сестра повстречали гурона
Глава вторая. Гурон, прозванный простодушным, узнан своей родней
Глава третья. Гурон, прозванный простодушным, обращен в христианство
Глава четвертая. Простодушный окрещен
Глава пятая. Простодушный влюблен
Глава шестая. Простодушный спешит к возлюбленной и впадает в неистовство
Глава седьмая. Простодушный отбивает англичан
Глава восьмая. Простодушный отправляется ко двору. По дороге он ужинает с гугенотами
Глава девятая. Прибытие простодушного в Версаль. Прием его при дворе
Глава десятая. Простодушный заключен в Бастилию с янсенистом
Глава одиннадцатая. Как простодушный разви-

вает свои дарования
Глава двенадцатая. Что думает простодушный о театральных пьесах
Глава тринадцатая. Прекрасная Сент-Ив едет в Версаль
Глава четырнадцатая. Простодушный развивает свой ум
Глава пятнадцатая. Прекрасная Сент-Ив не соглашается на щекотливое предложение
Глава шестнадцатая. Она советуется с иезуитом
Глава семнадцатая. Добродетель вынуждает ее пасть
Глава восемнадцатая. Она освобождает возлюбленного и янсениста
Глава девятнадцатая. Простодушный, прекрасная Сент-Ив и их родственники оказываются в сборе
Глава двадцатая. Прекрасная Сент-Ив умирает, и какие проистекают отсюда последствия

Аннотация

Из огромного художественного наследия Вольтера наиболее известны "Философские повести", прежде всего "Задиг, или Судьба" (1747), "Кандид, или Оптимизм" (1759), "Простодушный" (1767). Писатель блистательно соединил традиционный литературный жанр, где раскрываются кардинальные вопросы бытия, различные философские доктрины, разработанные в свое время Монтескье и Дж.Свифтом, с пародией на слезливые романы о приключениях несчастных влюбленных. Как писал А.Пушкин, Вольтер наводнил Париж произведениями, в которых "философия заговорила общепонятным и шутливым языком".

Современному читателю предоставляется самому оценить насмешливый и стремительный стиль Вольтера, проверить знаменитый тезис писателя: "Все к лучшему в этом лучшем из возможных миров".

Вольтер
Простодушный
Правдивая повесть, извлеченная из рукописей отца Кенеля [1]

[1] Примечания: 1

Кенель Паскье (1634 — 1719) — французский богослов, одни из виднейших теоретиков янсенизма. Не раз подвергался преследованиям церковных властей и вынужден был подолгу жить в Голландии.

Глава первая. О том, как приор храма горной богоматери и его сестра повстречали гурона

Однажды святой Дунстан[2], ирландец по национальности и святой по роду занятий, отплыл из Ирландии на пригорке к французским берегам и добрался таким способом до бухты Сен-Мало. Сойдя на берег, он благословил пригорок, который, отвесив ему несколько низких поклонов, воротился в Ирландию тою же дорогою, какою прибыл.

Дунстан основал в этих местах небольшой приорат и нарек его Горным, каковое название он носит и поныне, что известно всякому. В тысяча шестьсот восемьдесят девятом году[3] месяца июля числа 15-го, под вечер, аббат де Керкабон, приор храма Горной богоматери, решив подышать свежим воздухом, прогуливался с сестрой

---

[2] Примечания: 2

Дунстан (925 — 988) — архиепископ Кентерберийский; причислен католической церковью к лику святых.

[3] Примечания: 3

В этом году в войну против Франции, которую вела так называемая Аугсбургская лига (Испания, Голландия, Швеция и др.), вступила и Англия.

своей по берегу моря. Приор, уже довольно пожилой, был очень хороший священник, столь же любимый сейчас соседями, как в былые времена — соседками. Особенное уважение снискал он тем, что из всех окрестных настоятелей был единственным, кого после ужина с собратьями не приходилось тащить в постель на руках. Он довольно основательно знал богословие, а когда уставал от чтения блаженного Августина, то тешил себя книгою Рабле: поэтому все и отзывались о нем с похвалой.

Его сестра, которая никогда не была замужем, хотя и имела к тому великую охоту, сохранила до сорокапятилетнего возраста некоторую свежесть: нрав у нее был добрый и чувствительный; она любила удовольствия и была набожна.

Приор говорил ей, глядя на море:

— Увы! Отсюда в тысяча шестьсот шестьдесят шестом году на фрегате «Ласточка» отбыл на службу в Канаду наш бедный брат со своей супругой, а нашей дорогой невесткой, госпожой де Керкабон, Не будь он убит, у нас была бы надежда свидеться с ним.

— Полагаете ли вы, — сказала м-ль де Керкабон, — что нашу невестку и впрямь съели ирокезы, как нам о том сообщили? Надо полагать,

если бы ее не съели, она вернулась бы на родину. Я буду оплакивать ее всю жизнь — ведь она была такая очаровательная женщина; а наш брат, при его уме, добился бы немалых успехов в жизни.

Пока они предавались этим трогательным воспоминаниям, в устье Ранса вошло на волнах прилива маленькое суденышко: это англичане привезли на продажу кое-какие отечественные товары. Они соскочили на берег, не поглядев ни на господина приора, ни на его сестру, которую весьма обидело подобное невнимание к ее особо.

Иначе поступил некий очень статный молодой человек, который одним прыжком перемахнул через головы своих товарищей и очутился перед м-ль де Керкабон. Еще не обученный раскланиваться, он кивнул ей головой. Лицо его и наряд привлекли к себе взоры брата и сестры. Голова юноши была не покрыта, ноги обнажены и обуты лишь в легкие сандалии, длинные волосы заплетены в косы, тонкий и гибкий стан охвачен коротким камзолом. Лицо его выражало воинственность и вместе с тем кротость. В одной руке он держал бутылку с барбадосской водкой, в другой — нечто вроде кошеля, в котором были стаканчик и отличные морские сухари. Чужеземец довольно изрядно изъяснялся по-французски. Он

попотчевал брата и сестру барбадосской водкой, отведал ее и сам, потом угостил их еще раз, — и все это с такой простотой и естественностью, что они были очарованы и предложили ему свои услуги, сперва осведомившись, кто он и куда держит путь. Молодой человек ответил, что он этого не знает, что он любопытен, что ему захотелось посмотреть, каковы берега Франции, что он прибыл сюда, а затем вернется восвояси.

Прислушавшись к его произношению, господин приор понял, что юноша — не англичанин, и позволил себе спросить, из каких он стран.

— Я гурон[4], — ответил тот.

Мадемуазель де Керкабон, удивленная и восхищенная встречей с гуроном, который притом обошелся с ней учтиво, пригласила его отужинать с ними: молодой человек не заставил себя упрашивать, и они отправились втроем в приорат Горной богоматери.

Низенькая и кругленькая барышня глядела на него во все глаза и время от времени говорила приору:

---

[4] Примечания: 4

Г урон — представитель одного из индейских племен Северной Америки (самым многочисленным племенем были ирокезы). В период так называемых «торговых войн» второй половины XVII — начала XVIII в. между Англией и Францией за преобладание в Новом Свете гуроны были на стороне французов.

— Какой лилейно-розовый цвет лица у этого юноши! До чего нежна у него кожа, хотя он и гурон!

— Вы правы, сестрица, — отвечал приор, Она без передышки задавала сотни вопросов, и путешественник отвечал на них весьма толково.

Слух о том, что в приорате находится гурон, распространился с необычайной быстротой, и к ужину там собралось все высшее общество округи. Аббат де Сент-Ив пришел со своей сестрой, молодой особой из Нижней Бретани, весьма красивой и благовоспитанной. Судья, сборщик податей и их жены также не замедлили явиться. Чужеземца усадили между м-ль де Керкабон и м-ль де Сент-Ив. Все изумленно глядели на него, все одновременно и рассказывали ему что-то, и расспрашивали его, — гурона это ничуть не смущало. Казалось, он руководился правилом милорда Болингброка[5]: «Nihil admirari» [6]. Но напоследок, выведенный из терпения этим шумом, он сказал тоном довольно спокойным:

---

[5] Примечания: 5

Болингброк Генри Сен-Джон (1678 — 1751) — английский политический деятель и писатель-моралист, автор ряда антиклерикальных сочинений. Вольтер был в дружеских отношениях с Болингброком и жил у него в Англии в 1726 г.

[6] Примечания: 6

Ничему не удивляться (лат)

— Господа, у меня на родине принято говорить по очереди; как же мне отвечать вам, когда вы не даете возможности услышать ваши вопросы?

Вразумляющее слово всегда заставляет людей углубиться на несколько мгновений в самих себя: воцарилось полное молчание. Господин судья, который всегда, в чьем бы доме ни находился, завладевал вниманием чужеземцев и слыл первым на всю округу мастером по части расспросов, проговорил, широко разевая рот:

— Как вас зовут, сударь?

— Меня всегда звали Простодушный, — ответил гурон. — Это имя утвердилось за мной и в Англии, потому что я всегда чистосердечно говорю то, что думаю, подобно тому как и делаю все, что хочу.

— Каким же образом, сударь, родившись гуроном, попали вы в Англию?

— Меня привезли туда; я был взят в плен англичанами в бою, хотя и не худо оборонялся; англичане, которым по душе храбрость, потому что они сами храбры и не менее честны, чем мы, предложили мне либо вернуть меня родителям, либо отвезти в Англию. Я принял это последнее предложение, ибо по природе своей до страсти люблю путешествовать.

— Однако же, сударь, — промолвил судья вну-

шительным тоном, — как могли вы покинуть отца и мать?

— Дело в том, что я не помню ни отца, ни матери, — ответил чужеземец. Все общество умилилось, и все повторили!

— Ни отца, ни матери!

— Мы ему заменим родителей, — сказала хозяйка дома своему брату, приору. — До чего мил этот гурон!

Простодушный поблагодарил ее с благородной и горделивой сердечностью, но дал понять, что ни в чем не нуждается.

— Я замечаю, господин Простодушный, — сказал достопочтенный судья, — что по-французски вы говорите лучше, чем подобает гурону.

— Один француз, — ответил тот, — которого в годы моей ранней юности мы захватили в Гуронии и к которому я проникся большой приязнью, обучил меня своему языку: я усваиваю очень быстро то, что хочу усвоить. Приехав в Плимут, я встретил там одного из ваших французских изгнанников, которых вы, не знаю почему, называете «гугенотами»; он несколько усовершенствовал мои познания в вашем языке. Как только я научился объясняться вразумительно, я направился в вашу страну, потому что французы

мне нравятся, когда не задают слишком много вопросов.

Невзирая на это тонкое предостережение, аббат де Сент-Ив спросил его, какой из трех языков он предпочитает: гуронский, английский или французский.

— Разумеется, гуронский, — ответил Простодушный.

— Возможно ли! — воскликнула м-ль де Керкабон. — А мне всегда казалось, что нет языка прекраснее, чем французский, если не считать нижнебретонского.

Тут все наперебой стали спрашивать Простодушного, как сказать по-гуронски «табак», и он ответил: «тайя»; как сказать «есть», и он ответил: «эссентен». М-ль де Керкабон захотела во что бы то ни стало узнать, как сказать «ухаживать за женщинами». Он ответил: «тровандер»[7] и добавил, по-видимому не без основания, что эти слова вполне равноценны соответствующим французским и английским. Гости нашли, что «тровандер» звучит очень приятно.

Господин приор, в библиотеке которого имелась гуронская грамматика, подаренная ему

---

[7] Примечания: 7
Все эти слова в самом деле гуронские

преподобным отцом Сагаром Теода[8], францисканцем и славным миссионером, вышел из-за стола, чтобы навести по ней справку. Вернулся он, задыхаясь от восторга и радости, ибо убедился, что Простодушный воистину гурон. Поговорили чуть-чуть о многочисленности наречий и пришли к заключению, что, если бы не происшествие с Вавилонской башней [9], все народы говорили бы по-французски.

Неистощимый по части вопросов судья, который до сих пор относился к новому лицу с недоверием, теперь проникся к нему глубоким почтением; он беседовал с ним гораздо вежливее, чем прежде, чего Простодушный не приметил.

Мадемуазель де Сент-Ив полюбопытствовала насчет того, как ухаживают кавалеры в стране гуронов.

— Совершают подвиги, — ответил он, — чтобы понравиться особам, похожим на вас.

Гости удивились его словам и дружно заапло-

---

[8] Примечания: 8

Сагар Теода Габриэль — католический миссионер; С 1623 г. проповедовал христианство среди гуронов. Написал книгу «Большое путешествие в страну гуронов, расположенную в Америке у окраины Канады» (1632).

[9] Примечания: 9

При ее строительстве (как рассказывается в Библии) произошло много недоразумений из-за того, что строители башни говорили на разных языках и не понимали друг друга.

дировали. М-ль де Сент-Ив покраснела и весьма обрадовалась. М-ль де Керкабон покраснела тоже, но обрадовалась не очень; ее задело за живое, что любезные слова были обращены не к ней, но она была столь благодушна, что расположение ее к гурону ничуть от этого не пострадало. Она чрезвычайно приветливо спросила его, сколько возлюбленных было у него в Гуронии.

— Одна-единственная, — ответил Простодушный — То была м-ль Абакаба, подруга дорогой моей кормилицы. Абакаба превосходила тростник стройностью, горностая — белизной, ягненка — кротостью, орла — гордостью и оленя — легкостью. Однажды она гналась за зайцем по соседству с нами, примерно в пятидесяти лье от нашего жилья. Некий неблаговоспитанный алгонкинец[10], живший в ста лье оттуда, перехватил у нее добычу; я узнал об этом, помчался туда, свалил алгонкинца ударом палицы и, связав по рукам и ногам, поверг его к стопам моей возлюбленной. Родители Абакабы изъявили желание съесть его, но я никогда не питал склонности к подобным пиршествам; я вернул ему свободу и обрел в его лице друга. Абакаба была

[10] Примечания: 10

Алгонкинец — название представителей группы индейских племен Северной Америки.

так тронута моим поступком, что предпочла меня всем прочим своим любовникам. Она любила бы меня и доселе, если бы ее не съел медведь. Я покарал медведя и долго потом носил его шкуру, но это меня не утешило.

Мадемуазель де Сент-Ив почувствовала тайную радость, узнав из этого рассказа, что у Простодушного была всего одна возлюбленная и что Абакабы нет более на свете, но не стала разбираться в причинах своей радости. Все не сводили глаз с Простодушного и очень хвалили его за то, что он не позволил своим товарищам съесть алгонкинца.

Неумолимый судья, будучи не в силах подавить исступленную страсть к расспросам, довел свое любопытство до того, что осведомился, какую веру исповедует г-н гурон, — избрал ли он англиканскую, галликанскую или гугенотскую веру?

— У меня своя вера, — ответил тот, — как у вас своя.

— Увы! — воскликнула м-ль де Керкабон, — я вижу, этим злополучным англичанам даже не пришло в голову окрестить его.

— Ах, боже мой! — проговорила м-ль де Сент-Ив. — Как же это так? Разве гуроны не католики? Неужели преподобные отцы иезуиты не обра-

тили их всех в христианство? Простодушный уверил ее, что у него на родине никого нельзя обратить, что настоящий гурон ни за что не изменит убеждений и что на их наречии даже нет слова, означающего «непостоянство». Эти его слова чрезвычайно понравились м-ль де Сент-Ив.

— Мы его окрестим, окрестим! — говорила м-ль де Керкабон г-ну приору. — Эта честь выпадет вам, дорогой брат; мне ужасно хочется стать его крестной матерью; господин аббат де Сент-Ив, конечно, не откажется стать его восприемником. Какая будет блистательная церемония! Толки о ней пойдут по всей Нижней Бретани, и нас это безмерно прославит. Все общество вторило хозяйке дома, все гости кричали:

— Мы его окрестим!

Простодушный ответил, что в Англии каждый имеет право жить так, как ему заблагорассудится. Он заявил, что это предложение ему вовсе не по душе и что гуронское вероисповедание по меньшей мере равноценно нижнебретонскому; в заключение он сказал, что завтра же уезжает. Допив его бутылку барбадосской водки, все разошлись на покой.

Когда Простодушного проводили в приготовленную для него комнату, м-ль де Керкабон и ее

приятельница Сент-Ив не могли удержаться от того, чтобы не поглядеть в широкую замочную скважину, как почивает гурон. Они узрели, что он постелил одеяло прямо на полу и расположился на нем самым живописным образом.

Глава вторая. Гурон, прозванный простодушным, узнан своей роднёй

Простодушный проснулся, по своему обыкновению, вместе с солнцем, под пенье петуха, которого в Англии и в Гуронии именуют «трубой рассвета»[11]. Он не уподобляется праздным вельможам, которые валяются в постели, пока солнце не пройдет половину своего пути, которые не могут ни спать, ни встать, которые теряют столько драгоценных часов в этом промежуточном состоянии между жизнью и смертью да еще жалуются, что жизнь слишком коротка.

Отшагав уже два-три лье, уложив меткой пулей штук тридцать разной дичи, он вернулся в приорат и увидел, что приор храма Горной богоматери и его благоразумная сестра прогуливаются в ночных колпаках по саду. Он преподнес им всю свою добычу и, вытащив из-под рубашки нечто вроде

---

[11] Примечания: 11
Намек на строки из «Гамлета» Шекспира (действие I, сцена V):
Петух, трубач зари, своею глоткой
Пронзительною будит ото сна.
(Перевод Б. Пастернака)

маленького талисмана, который обычно носил на шее, просил принять его в знак благодарности за гостеприимство.

— Это величайшая моя драгоценность, — сказал он им. — Меня уверяли, что я буду неизменно счастлив, пока ношу эту безделушку; я дарю ее вам, чтобы вы были неизменно счастливы.

Чистосердечие Простодушного вызвало у приора и у его сестры улыбку умиления. Подарок состоял из двух портретов довольно скверной работы, связанных очень засаленным ремешком.

Мадемуазель де Керкабон спросила, есть ли художники в Гуронии.

— Нет, — ответил Простодушный, — эту редкую вещицу я получил от кормилицы; ее муж добыл мой талисман в бою, обобрав каких-то канадских французов, которые воевали с нами. Вот и все, что я знаю о нем.

Приор внимательно разглядывал портреты: он изменился в лице, разволновался, руки у него затряслись.

— Клянусь Горной богоматерью! — воскликнул он — Мне сдается, что это — изображение моего брата-капитана и его жены!

Мадемуазель де Керкабен, рассмотрев портреты с неменьшим волнением, пришла к тому же

заключению. Оба были охвачены удивлением и радостью, смешанной с горем; оба умилялись, плакали, сердца у HHV трепетали; они вскрикивали; они вырывали друг у друга портреты; раз по двадцать каждый хватал их у другого и снова отдавал; они пожирали глазами и портреты и гурона; они спрашивали его то каждый порознь, то оба зараз, где, когда и как попали эти миниатюры в руки его кормилицы; они сопоставляли, высчитывали сроки, истекшие со времени отъезда капитана, вспоминали полученное когда-то сообщение о том, что он добрался до страны гуронов, после чего о нем не было больше никаких известий.

Простодушный говорил им накануне, что не помнит ни отца, ни матери. Приор, человек сообразительный, заметил, что у Простодушного пробивается бородка, а ему было хорошо известно, что гуроны — безбородые. «У него на подбородке пушок, стало быть, он сын европейца; брат и невестка после предпринятою в тысяча шестьсот шестьдесят девятом году похода на гуронов[12] больше не появлялись; мой племянник был в то время, вероятно, еще грудным ребенком,

[12] Примечания: 12
В действительности такого похода не было.

кормилица-гуронка спасла ему жизнь и заменила мать». В конце концов после сотни вопросов и сотни ответов приор и его сестра пришли к убеждению, что гурон — их собственный племянник. Они обнимали его, проливая слезы, а Простодушный смеялся, ибо представить себе не мог, как это гурон вдруг оказался племянником нижнебретонского приора.

Все общество спустилось в сад; г-н де Сент-Ив, великий физиономист, сличил оба портрета с наружностью Простодушного. Он сразу подметил, что глаза у него материнские, лоб и нос — как у покойного капитана де Керкабона, а щеки отчасти напоминают мать, отчасти отца.

Мадемуазель де Сент-Ив, которая никогда не видала родителей Простодушного, утверждала, что он похож на них совершенно. Они дивились провидению и сцеплению событий в сем мире. Насчет происхождения Простодушного сложилось напоследок такое твердое убеждение, такая уверенность, что он и сам согласился стать племянником г-на приора, сказав, что ему безразлично, приор или кто другой приходится ему дядюшкой. Все отправились в храм Горной богоматери, чтобы воздать благодарение богу, в то время как гурон с полным равнодушием остался

дома допивать винцо.

Англичане, которые вчера его доставили и готовились теперь поднять паруса, сказали ему, что пора отправляться в обратный путь.

— Вероятно, — ответил он, — вы не обрели тут дядюшек и тетушек. Я остаюсь. Возвращайтесь в Плимут. Дарю вам все свои пожитки; мне больше ровно ничего не нужно, ибо я — племянник приора.

Англичане подняли паруса, весьма мало беспокоясь о том, есть ли у Простодушного родня в Нижней Бретани.

После того как дядюшка, тетушка и все общество отслужили молебен, после того как судья сызнова одолел Простодушного вопросами, после того как исчерпано было все, что можно сказать под влиянием удивления, радости, нежности, — приор Горного храма и аббат де Сент-Ив порешили как можно скорее окрестить Простодушного. Но взрослый двадцатидвухлетний гурон — это не младенец, которого возрождают к новому бытию без его ведома. Надобно было сперва наставить его на путь истинный, а это представлялось затруднительным, так как аббат де Сент-Ив полагал, что человек, родившийся не во Франции, лишен здравого смысла.

Приор заметил во всеуслышание, что, если г-н Простодушный, его племянник, не имел счастья родиться в Нижней Бретани, все же это не мешает ему обладать разумом, что судить о том можно по всем его ответам и что природа, бесспорно, наделила его щедрыми дарами как с отцовской, так и с материнской стороны.

Простодушного спросили прежде всего, случалось ли ему читать хоть какую-нибудь книгу. Он ответил, что читал Рабле в английском переводе и кое-какие отрывки из Шекспира, заученные им наизусть, что эти книги он достал у капитана корабля, на котором плыл из Америки в Плимут, и что остался ими весьма доволен. Судья немедленно стал его расспрашивать об этих книгах.

— Признаюсь вам, — сказал Простодушный, — кое-что я в них, кажется, разгадал, остального же не понял.

Аббат де Сент-Ив, услышав эту речь, подумал, что и сам он обычно читал так же, да и большинство людей читает именно так, а не иначе.

— Библию вы, без сомнения, читали? — спросил он гурона.

— Нет, не читал, господин аббат; у капитана ее не было; я ничего о ней не слыхал.

— Вот каковы эти проклятые англичане! —

вскричала м-ль де Керкабон. — Пьесы Шекспира, плумпудинг и бутылка рома дороже им, чем Пятикнижие[13]. Оттого и получилось, что никого они в Америке не обратили в христианство. Они, конечно, прокляты богом, и мы в недалеком будущем отберем у них Ямайку и Виргинию.

Как бы то ни было, из Сен-Мало пригласили самого искусного портного и поручили ему одеть Простодушного с головы до ног. Общество разошлось; судья отправился задавать вопросы в других местах. М-ль де Сент-Ив, уходя, несколько раз оглянулась на Простодушного, а он проводил ее поклонами такими низкими, каких не отвешивал еще никому и никогда в жизни.

Судья, перед тем как откланяться, представил м-ль де Сент-Ив своего сына, рослого балбеса, кончившего училище, но она еле взглянула на него, до того тронула ее сердце учтивость гурона.

---

[13] Примечания: 13

Пятикнижие — первые книги Ветхого Завета (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие).

Глава третья. Гурон, прозванный простодушным, обращен в христианство

Господин приор, имея в виду свой уже преклонный возраст и то обстоятельство, что бог послал ему в утешение племянника, твердо решил, что если удастся его окрестить и понудить к вступлению в духовное звание, то можно будет передать ему приход.

У Простодушного была превосходная память. Благодаря могучему нижнебретонскому телосложению, которое еще укрепил канадский климат, голова у него стала такая прочная, что, когда по ней били, он этого почти не чувствовал, а когда в нее что-нибудь врезалось, то никогда уже не изглаживалось. Он ничего не забывал. Его понятливость была тем живее и отчетливее, что детство его не было обременено в свое время тем бесполезным вздором, каким отягчено бывает наше детство, и поэтому мозг воспринимал все предметы в неискаженном виде. Приор решился наконец засадить племянника за чтение Нового завета. Простодушный проглотил его с большим

удовольствием; но, не зная, в какие времена и в какой стране произошли рассказанные в этой книге события, он ничуть не сомневался в том, что местом действия была Нижняя Бретань, и даже поклялся при первой же встрече с Кайафой и Пилатом[14] отрезать нос и уши этим бездельникам.

Дядюшка, очарованный добрыми намерениями Простодушного, объяснил ему, в чем дело; он похвалил его за рвение, но растолковал, что рвение это — тщетное, ибо упоминаемые в Новом завете люди умерли примерно тысяча шестьсот девяносто лет тому назад. Вскоре Простодушный выучил почти всю книгу наизусть. Он задавал иной раз трудноразрешимые вопросы, сильно огорчавшие приора. Тому частенько приходилось совещаться с аббатом де Сент-Ив, который, не зная, что отвечать, вызвал некоего нижнебретонского иезуита, с тем чтобы завершить обращение гурона в истинную веру.

Благодать оказала наконец свое действие: Простодушный дал обещание сделаться христианином; при этом он не сомневался, что придется начать с обряда обрезания.

---

[14] Примечания: 14

Кайафа и Пилат — библейские персонажи; в их руки был передан схваченный стражниками Иисус Христос, и от них зависела его судьба.

— Так как, — говорил он, — в этой книге, которую дали мне прочесть, я не нахожу ни одного лица, которое не подвергалось бы этому обряду, надо, очевидно, и мне пожертвовать своей крайней плотью; чем скорее, тем лучше.

Не долго думая, он послал за деревенским хирургом и попросил сделать ему операцию, полагая, что м-ль де Керкабон да и все общество бесконечно обрадуются, когда дело будет сделано. Лекарь, которому никогда еще не приходилось делать подобную операцию, дал знать об этом семейству Простодушного, и там поднялись громкие вопли. Добрая м-ль де Керкабон боялась, как бы племянник, по всей видимости решительный и проворный, не проделал над собой операции сам, и притом весьма неловко, и как бы не произошло от того печальных последствий, которым дамы по доброте душевной уделяют всегда много внимания.

Приор вразумил гурона: он убедил его, что обрезание вышло из моды; что крещение и приятнее и спасительнее; что закон милующий лучше закона карающего. Простодушный, у которого было много здравого смысла и прямоты, сперва поспорил, но затем признал свое заблуждение, а в Европе это довольно редко случается со спо-

рящими; в конце концов он сказал, что готов креститься когда угодно.

Сначала нужно было исповедаться, ч в этом заключалась главная трудность. Простодушный всегда носил в кармане книгу, подаренную дядей, и так как ему не удалось найти в ней никаких указаний на то, что хоть кто-нибудь из апостолов исповедовался, то он заупрямился. Приор заставил его умолкнуть, показав в послании апостола Иакова-младшего слова, столь огорчительные для еретиков: «Признавайтесь друг перед другом в проступках». Гурон примолк и исповедался некоему францисканцу. Кончив исповедь, он вытащил францисканца из исповедальни, сел на его место и, мощной рукой поставив монаха перед собой на колени, произнес:

— Ну, друг мой, приступим к делу; сказано: «Признавайтесь друг перед другом в проступках». Я открыл тебе свои грехи, и ты не выйдешь отсюда, пока не откроешь мне своих.

Говоря так, он упирался могучим своим коленом в грудь противника. Францисканец поднимает вой, от которого гудит вся церковь. На шум сбегается народ и видит, что новообращенный тузит монаха во имя апостола Иакова-младше-

го[15]. Радость по поводу предстоящего крещения гуроно-английского нижнебретонца была столь велика, что на эти странности не обратил»! внимания. Многие богословы даже пришли к мысли, что исповедь не нужна, поскольку крещение совмещает в себе все.

День был назначен по соглашению с епископом Малуанским; епископ, будучи, само собой разумеется, польщен приглашением крестить гурона, прибыл в роскошной карете, сопровождаемый причтом. М-ль де Сент-Из, благословляя бога, нарядилась в самое лучшее свое платье и, чтобы блеснуть на крестинах, выписала из Сен-Мало парикмахершу. Вопрошающий судья привел с собой всю округу. Церковь была разукрашена великолепно; но когда пошли за гуроном, чтобы вести его к купели, новообращенного нигде не оказалось.

Дядюшка и тетушка искали его повсюду. Думали, что он, по обыкновению, отправился на охоту. Все приглашенные на торжество стали рыскать по окрестным лесам и селениям: гурон не подавал о себе вестей. Начали опасаться, не уехал ли

[15] Примечания: 15

Далее приводится фраза из Нового Завета (Послание Иакова, V, 16). «Младшим» апостол иронически назван Вольтером в отличие от патриарха Иакова из Ветхого Завета.

он назад в Англию, так как все помнили, с какой похвалой он отзывался об этой стране. Г-н приор и его сестра были убеждены, что жители ходят там некрещеные, и с трепетом помышляли о погибели, грозящей душе их племянника. Епископ, крайне смущенный, уже собирался возвращаться восвояси; приор и аббат де Сент-Ив были в отчаянии; судья с обычной важностью спрашивал всех встречных и поперечных; м-ль де Керкабон плакала, м-ль де Сент-Ив не плакала, но испускала глубокие вздохи, которые свидетельствовали, по-видимому, об ее приверженности церковным таинствам. Печально прогуливаясь мимо лозняка и камышей, растущих на берегу речушки Ране, подруги вдруг увидели, что посреди реки стоит, скрестив руки, высокая, довольно белая человеческая фигура. Они громко вскрикнули и отворотились. Но любопытство вскоре взяло верх над всеми прочими соображениями, они тихонько прокрались сквозь камыши и, убедившись, что их не видно, принялись разглядывать, кто это забрался в реку.

Глава четвертая. Простодушный окрещен

Приор и аббат, подбежав к реке, спросили Простодушного, что он там делает.

— Дожидаюсь крещения, черт подери! Битый час стою по горло в воде; с вашей стороны очень нехорошо заставлять меня мерзнуть.

— Дорогой племянничек, — нежно сказал ему приор, — в Нижней Бретани крещение совершается не так; оденьтесь и идемте с нами. Услышав эту речь, м-ль де Сент-Ив спросила шепотом подругу:

— Как вы думаете, неужели он так сразу и оденется? Гурон меж тем возразил приору:

— Теперь вам не удастся обморочить меня, как в тот раз; с тех пор я научился многому и совершенно уверен, что другого способа креститься не существует.

Евнух царицы Кандакии[16] был окрещен в ручье: попробуйте-ка доказать по книге, которую

---

[16] Примечания: 16

Герой Вольтера имеет в виду один из эпизодов «Деяний апостолов», где рассказывается, как апостол Филипп крестил в простой речке евнуха царицы Эфиопской Кандакии.

вы мне подарили, что хоть когда-нибудь это дело делались иначе. Либо я вовсе откажусь креститься, либо буду креститься в реке. Сколько ему ни твердили, что обычаи изменились, Простодушный упрямо стоял на своем, как истый бретонец и гурон. Он все толковал про евнуха царицы Кандакии, и хотя тетушка и м-ль де Сент-Ив, наблюдавшие за ним сквозь кусты лозняка, были вправе сказать, что не годится ему равнять себя с вышеупомянутым евнухом, однако же скромность их была так велика, что они не издали ни звука. Сам епископ пытался уговорить его, а это много значит; но и он ничего не добился: гурон заспорил и с епископом.

— Докажите, — сказал он, — по книге, подаренной мне дядюшкой, что хоть один человек был крещен не в реке, и тогда я сделаю все, что вам заблагорассудится.

Пришедшая в полное отчаяние тетушка вдруг припомнила, что, когда ее племянник впервые стал раскланиваться, он отвесил м-ль де Сент-Ив поклон более низкий, чем другим членам общества, и что даже самого г-на епископа он приветствовал с меньшим почтением и сердечностью, чем эту прелестную барышню. Она решилась в этом затруднительном положении

обратиться к помощи м-ль де Сент-Ив и умоляла ее употребить свое влияние на гурона, дабы заставить его креститься так, как это принято у бретонцев, ибо ей казалось, что племянник не станет настоящим христианином, если будет упорствовать в своем намерении креститься в проточной воде.

Мадемуазель де Сент-Ив втайне так обрадовалась этому почетному поручению, что даже вся раскраснелась. Она скромно подошла к Простодушному и, благороднейшим образом пожимая ему руку, спросила:

— Неужели вы не сделаете для меня такой малости?

Произнося эти слова, она грациозно и трогательно то вскидывала на него глаза, то потупляла их.

— Ах, все, что вам будет угодно, мадемуазель, все, что прикажете: крещение водой, крещение огнем, крещение кровью[17], — я не откажу вам ни в чем.

На долю м-ль де Сент-Ив выпала честь с первых двух слов достигнуть того, чего не достигли ни старания приора, ни многократные вопросы

---

[17] Примечания: 17

Намек на слова из Евангелия: «Он будет крестить вас духом Святым и огнем» (Ев. от Матф., III, 11).

судьи, ни даже рассуждения г-на епископа. Она сознавала свою победу, но не сознавала еще всего ее значения.

Таинство было совершено и воспринято со всей возможной благопристойностью, великолепием и приятностью. Дядюшка и тетушка уступили аббату де Сент-Ив и его сестре почетные обязанности восприемников Простодушного от купели. М-ль де Сент-Ив сияла, радуясь, что стала крестной матерью. Она не понимала, на что обрекает ее это высокое звание; она согласилась принять предложенную честь, не ведая, к каким роковым последствиям это поведет.

Так как за всякой церемонией следует званый обед, то по окончании обряда крещения все уселись за стол. Нижнебретонские шутники говорили, что вино не нуждается в крещении. Г-н приор толковал, что вино, по словам Соломона[18], веселит сердце человеческое. Г-н епископ добавил от себя, что патриарх Иуда привязывал ослика к виноградной лозе и окунал плащ в ви-

[18] Примечания: 18

Намек на строки из Библии: «Вино и музыка веселят сердце» («Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова», XI, 20).

ноградный сок [19], чего, к великому сожалению, нельзя сделать в Нижней Бретани, которой бог отказал в винограде. Каждый старался отпустить какую-нибудь шутку по поводу крещения Простодушного и наговорить любезностей крестной матери. Судья, неизменно вопрошающий, спросил гурона, останется ли он верен христианским обетам.

— Как же, по-вашему, могу я изменить обетам, — ответил гурон, — когда я дал их в присутствии мадемуазель де Сент-Ив? Гурон разгорячился; он много раз пил за здоровье своей крестной матери.

— Если бы вы крестили меня своей рукой, — сказал он, — то не сомневаюсь, меня обожгла бы холодная вода, которую лили мне на затылок.

Судья нашел, что это чересчур уж поэтично, ибо не знал, как распространен в Канаде аллегорический стиль. Крестная же мать осталась чрезвычайно довольна.

Новокрещеного нарекли Гераклом. Епископ Малуанский все доискивался, что это за святой, о

---

[19] Примечания: 19

Имеются в виду следующие слова из Библии: «Он привязывает к виноградной лозе осленка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей; моет в вине одежду свою и в крови гроздей одеяние свое» (Бытие, XIX, 11).

котором он никогда не слыхал. Иезуит, отличавшийся большей ученостью, объяснил, что это был угодник, совершивший двенадцать чудес. Было еще тринадцатое, которое одно стоило остальных двенадцати, однако иезуиту не пристало говорить о нем: оно состояло в превращении пятидесяти девиц в женщин на протяжении одной ночи. Некий находившийся тут же забавник стал усиленно восхвалять это чудо. Все дамы потупились и решили, что Простодушный, судя по внешности, достоин того святого, имя которого получил.

Глава пятая. Простодушный влюблен

Надо признаться, что после этих крестин и этого обеда м-ль де Сент-Ив до страсти захотелось, чтобы г-н епископ сделал ее вместе с г-ном Гераклом Простодушным участницей еще одного прекрасного таинства. Однако же, будучи благовоспитанной и весьма скромной, она даже самой себе не решалась сознаться до конца в своих нежных чувствах. Когда же вырывались у нее взгляд, слово, движение или мысль, она обволакивала их покровом бесконечно милого целомудрия. Она была нежная, живая и благонравная девушка.

Едва только г-н епископ уехал, Простодушный и м-ль де Сент-Ив встретились как бы случайно, вовсе не помышляя о том, что искали этой встречи. Они разговорились, не предвидя заранее, о чем поведут речь. Простодушный начал с того, что любит ее всем сердцем и что прекрасная Абакаба, по которой он с ума сходил у себя на родине, никак не может сравниться с нею. Барышня ответила с обычною своей скромностью, что надобно поскорее переговорить об этом с его

дядюшкой, г-ном приором, и с его тетушкой, что она, со своей стороны, шепнет об этом словечко своему дорогому братцу, аббату де Сент-Ив, и что она льстит себя надеждою на общее согласие.

Простодушный отвечает, что не нуждается ни в чьем согласии, что находит крайне нелепым спрашивать у других совета, как ему следует поступить, что раз обе стороны пришли к соглашению, нет надобности привлекать для примирения их интересов третье лицо.

— Я ни у кого не спрашиваюсь, — сказал он, — когда мне хочется завтракать, охотиться или спать; мне хорошо известно, что в делах любви неплохо заручиться согласием той особы, к которой питаешь любовь; но так как влюблен я не в дядюшку и не в тетушку, то не к ним надо обращаться мне по этому делу, и вы тоже, поверьте мне, отлично обойдетесь без господина аббата де Сент-Ив.

Красавица бретонка пустила, разумеется, в ход всю тонкость своего ума, чтобы ввести гурона в границы приличия. Она даже разгневалась, однако вскоре опять смягчилась. Неизвестно, к чему бы привел в конце концов этот разговор, если бы на склоне дня г-н аббат не увел сестру в свое аббатство. Простодушный не препятствовал

дядюшке и тетушке улечься спать, так как они были несколько утомлены церемонией и затянувшимся обедом, но сам он часть ночи провел за писанием стихов к возлюбленной на гуронском языке, ибо надобно помнить, что нет на земле такой страны, где любовь не обращала бы влюбленных в поэтов.

На следующий день после завтрака его дядюшка в присутствии м-ль де Керкабон, пребывавшей в полном умилении, повел такую речь:

— Хвала небесам за то, что вам выпала честь, дорогой племянник, стать христианином и бретонцем! Но этого еще недостаточно; годы у меня уже довольно преклонные; после брата остался только маленький клочок земли, который представляет собой ничтожную ценность; зато у меня доходный приорат; если вы, как я надеюсь, пожелаете стать иподьяконом, то я переведу приорат на вас, и вы, утешив мою старость, будет жить затем в полном довольстве.

Простодушный ответил:

— Всяких вам благ, дядюшка! Живите, сколько поживется. Я не знаю, кто такой иподьякон и что значит перевести приорат, но я пойду на все, лишь бы обладать мадемуазель де Сент-Ив.

— Ах, боже мой, что вы такое говорите, пле-

мянник? Вы, стало быть, любите до безумия эту красивую барышню?

— Да, дядюшка.

— Увы, племянник, вам нельзя на ней жениться

— Нет, очень даже можно, дядюшка, потому что она не только пожала мне руку на прощание, но и обещала, что будет проситься за меня замуж, и я, конечно, на ней женюсь.

— Это невозможно, говорю вам: она — ваша крестная мать; пожимать руку своему крестнику — ужасныи грех; вступать в брак с крестной матерью не разрешается; это запрещено и божескими и людскими законами.

— Вы шутите, дядюшка! Чего ради запрещать брак с крестной матерью, если она молода и хороша собой. В книге, которую вы мне подарили, нигде не сказано, что грешно человеку жениться на девушке, которая помогла ему креститься. Я вижу, у вас тут каждый день происходит множество вещей, о которых нет ни слова в вашей книге, и не выполняется ровно ничего из того, что в ней написано; признаюсь, это и удивляет меня и сердит. Если под предлогом крещения меня лишат прекрасной Сент-Ив, то, предупреждаю вас, я увезу ее и раскрещусь. Приор совсем растерялся; сестра его заплакала.

— Дорогой братец, — проговорила она, — мы не можем допустить, чтобы наш племянник обрек себя на вечную гибель. Святейший папа может дать ему дозволение на этот брак, и тогда он будет по-христиански счастлив с той, кого любит.

Простодушный, заключив тетушку в объятия, спросил:

— Кто же он, этот превосходный человек, который так добр, что помогает юношам и девушкам в устройстве их любовных дел? Я сейчас же схожу и потолкую с ним.

Ему объяснили, кто такой папа; Простодушный удивился пуще прежнего.

— В вашей книге, дорогой дядюшка, про все это нет ни звука; мне довелось путешествовать, я знаю, как неверно море; мы тут находимся на берегу океана, а мне придется покинуть мадемуазель де Сент-Ив и просить разрешения любить ее у человека, который живет вблизи Средиземного моря, за четыреста лье отсюда, и говорит на непонятном мне языке; это до непостижимости нелепо. Сейчас же пойду к аббату де СенгИв, который живет всего в одном лье отсюда, и ручаюсь вам, что женюсь на моей возлюбленной сегодня же.

Не успел он договорить, как вошел судья и,

верный своему обыкновению, спросил Простодушного, куда он идет.

— Иду жениться, — отвечал тот, убегая. И через четверть часа он был уже у своей прекрасной и дорогой бретонки, которая еще спала.

— Ах, братец! — сказала м-ль де Керкабон приору. — Не бывать нашему племяннику иподьяконом.

Судья был очень раздосадован намерением Простодушного, так как предполагал женить на м-ль де СентИв своего сына, который был еще глупее и несноснее, чем отец.

Глава шестая. Простодушный спешит к возлюбленной и впадает в неистовство

Прибежав в аббатство, Простодушный спросил у старой служанки, где спальня ее госпожи, распахнул незапертую дверь и кинулся к кровати. М-ль де Сент-Ив, внезапно пробудившись, вскрикнула:

— Как, это вы? Ах, это вы? Остановитесь, что вы Делаете? Он ответил:

— Женюсь на вас.

И женился бы на самом деле, если бы она не стала отбиваться со всей добросовестностью, какая приличествует хорошо воспитанной особе.

Простодушному было не до шуток; ее жеманство представлялось ему крайне невежливым.

— Не так вела себя мадемуазель Абакаба, первая моя возлюбленная. Вы поступаете нечестно: обещали вступить со мной в брак, а теперь не хотите; вы нарушаете основные законы чести; я научу вас держать слово и верну на путь добродетели.

А добродетель у Простодушного была муже-

ственная и неустрашимая, достойная его патрона Геракла, чьим именем он был наречен при крещении. Он готов был уже пустить ее в ход во всем ее объеме, когда на пронзительные вопли барышни, более сдержанной в проявлении добродетели, сбежались благоразумный аббат де Сент-Ив со своей ключницей, его старый набожный слуга и еще некий приходский священник. При виде их отвага нападающего умерилась.

— Ах, боже мой, дорогой сосед, — сказал аббат, — что вы тут делаете?

— Исполняю свой долг, — ответил молодой человек. — Хочу выполнить свои обеты, которые священны.

Раскрасневшаяся Сент-Ив начала приводить себя в порядок. Простодушного увели в другую комнату.

Аббат стал ему объяснять всю гнусность его поведения. Простодушный сослался в свое оправдание на преимущества естественного права, известного ему в совершенстве. Аббат стал доказывать, что следует отдать решительное предпочтение праву гражданскому, ибо, не будь между людьми договорных соглашений, естественное право почти всегда обращалось бы в естественный разбой.

— Нужны нотариусы, священники, свидетели, договоры, дозволения, — говорил он.

Простодушный в ответ на это выдвинул соображение, неизменно приводимое дикарями:

— Вы, стало быть, очень бесчестные люди, если вам нужны такие предосторожности.

Нелегко было аббату найти правильное решение этого запутанного вопроса.

— Признаюсь, — вымолвил он, — среди нас немало ветреников и плутов, и столько же было бы их и у гуронов, живи они скопом в большом городе, однако же встречаются и благонравные, честные, просвещенные души, и вот этими-то людьми и установлены законы. Чем лучше человек, тем покорнее должен он им подчиняться. Надо подавать пример порочным, которые уважают узду, наложенную на себя добродетелью.

Этот ответ поразил Простодушного. Уже замечено было ранее, что он обладал способностью судить здраво. Его укротили льстивыми словами, ему подали надежду: таковы две западни, в которые попадаются люди обоих полушарий. К нему привели даже м-ль де Сент-Ив, после того как она оделась. Все обошлось благопристойнейшим образом, но, невзирая на соблюдение всех приличий, сверкающие глаза Простодушного

заставляли его возлюбленную потуплять очи и повергали в трепет все общество.

Спровадить его назад, к дядюшке и тетушке, оказалось делом крайне трудным. Пришлось снова пустить в ход влияние прекрасной Сент-Ив. Чем яснее сознавала она свою власть над ним, тем большею проникалась к нему любовью. Она принудила его удалиться и была этим очень огорчена. Наконец, когда он ушел, аббат, который не только приходился братом м-ль де Сент-Ив, но, будучи на много лет старше ее, был также и ее опекуном, решил избавить свою подопечную от усердных ухаживаний исступленного обожателя. Он решил поговорить с судьей, и тот, мечтая женить сына на сестре аббата, посоветовал заточить бедную девушку в обитель. Это был жестокий удар: если бы отдали в монастырь бесчувственную, и та возопила бы, но влюбленную, да еще так нежно, и притом благонравную! — было от чего впасть в отчаяние.

Простодушный, вернувшись к приору, рассказал все с обычным своим чистосердечием. Ему пришлось выслушать все те же увещания; они оказали некоторое действие на его рассудок, но никак не на его чувства. На следующий день, когда он собрался было снова навестить свою

прекрасную возлюбленную, чтобы порассуждать с ней о естественном праве и праве гражданском, истекающем из договоров, г-н судья сообщил ему с оскорбительным злорадством, что она в монастыре.

— Ну что ж, — ответил тот, — порассуждаем в монастыре.

— Это невозможно, — сказал судья.

Он пространно объяснил ему, что такое монастырь, и сказал, что французское слово «couvenl» или «convent» происходит от латинского «conventus», — то есть «собрание», но гурон не понимал, почему он не может быть допущен на это собрание. Однако, как только его поставили в известность, что означенное собрание является подобием тюрьмы, где молодых девушек держат взаперти, — жестокость, неведомая ни гуронам, ни англичанам, — он рассвирепел так же, как патрон его Геракл, когда Эврит, царь Эхалийский[20], не менее безжалостный, чем аббат де Сент-Ив, отказался выдать за него свою дочь, прекрасную Иолу, не менее прекрасную, чем сестра

[20] Примечания: 20

В одном из древнегреческих мифов рассказывается, как Эврит обещал отдать свою дочь Иолу в жены тому, кто победит в стрельбе из лука. Геркулес выиграл состязание, но Эврит обещания не выполнил; тогда герой силой отнял Иолу и убил Эврита.

аббата. Он заявил, что подожжет монастырь и похитит возлюбленную или сгорит вместе с нею. М-ль де Керкабон, придя в ужас, потеряла всякую надежду на посвящение племянника в иподьяконы и вымолвила со слезами, что с тех пор, как его крестили, в него вселился дьявол.

Глава седьмая. Простодушный отбивает англичан

Простодушный, погруженный в мрачное и глубокое уныние, прогуливался по берегу моря с двуствольным ружьем за плечом, с большим ножом у бедра, постреливал птиц и частенько испытывал желание выстрелить в себя; однако жизнь была ему еще дорога из-за м-ль де Сент-Ив. То он проклинал дядю, тетку, всю Нижнюю Бретань и свое крещение, то благословлял их, ибо только благодаря им познакомился с той, кого любил. Он принимал решение поджечь монастырь и сразу же отступался от него из опасения, что сожжет и возлюбленную. Волны Ла-Манша не бушуют так под напором восточных и западных ветров, как бушевало его сердце под воздействием противоречивых побуждений.

Он шел большими шагами, сам не ведая куда, когда вдруг услышал барабанный бой. Вдалеке видна была целая толпа; какие-то люди бежали к берегу, другие поспешно отступали.

Со всех сторон раздаются многоголосые вопли; любопытство и отвага гонят Простодушного туда,

откуда они доносятся. Начальник гарнизона, который ужинал с ним в свое время у приора, узнал его тотчас же и подбежал к нему с распростертыми объятиями:

— Ах, это Простодушный! Он будет сражаться за нас. Его солдаты, умиравшие со страху, приободрились и тоже закричали:

— Это Простодушный! Это Простодушный!

— В чем дело, господа? — спросил он. — Чем вы так встревожены? Или ваших возлюбленных отдали в монастырь?

Тогда сотни нестройных голосов закричали:

— Разве вы не видите, что англичане причаливают к берегу?

— Ну так что же? — возразил гурон. — Это хорошие люди; они не отнимали у меня моей возлюбленной.

Начальник объяснил ему, что англичане собираются ограбить Горное аббатство, выпить вино его дядюшки и, может быть, похитить м-ль де Сент-Ив; что у кораблика, на котором Простодушный прибыл в Бретань, была только одна цель — произвести разведку, что они открыли военные действия, не объявив войны французскому королю, и что вся область в опасности.

— А если так, то они нарушают естественное

право; предоставьте мне действовать по-своему; я долго жил у них, знаю их язык, и я потолкую с ними; не думаю, чтобы у них были такие злостные намерения.

Пока шел этот разговор, английская эскадра приблизилась; вот гурон бежит к берегу, вскакивает в лодку, подплывает, всходит на адмиральский корабль и спрашивает, верно ли, что они собираются опустошить страну, не объявив по-честному войны. Адмирал и вся команда покатились со смеху, напоили Простодушного пуншем и выпроводили вон.

Простодушный, обидевшись, уже не помышляет ни о чем другом, как только сразиться с прежними друзьями, став на защиту нынешних своих соотечественников и г-на приора; отовсюду сбегаются окрестные Дворяне; он присоединяется к ним; у них было несколько пушек; он заряжает их, наводит и стреляет из каждой поочередно. Англичане высаживаются на берег; он бросается на них, убивает троих и даже ранит адмирала, который давеча посмеялся над ним. Доблесть его возбуждает мужество отряда; англичане бегут на свои корабли, и весь берег оглашается победными криками:

— Да здравствует король! Да здравствует Про-

стодушный! Все обнимали его, все спешили унять кровь, сочившуюся из полученных им легких ран.

— Ах, — говорил он, — если бы мадемуазель де Сент-Ив была здесь, она наложила бы мне повязку.

Судья, который во время боя прятался в погребе, пришел вместе с другими поздравить его. Каково же было его изумление, когда он услышал, что Геракл Простодушный, обращаясь к дюжине окружавших его благонамеренных молодых людей, сказал:

— Друзья мои, выручить из беды Горное аббатство — это ничего не стоит, а вот надо выручить девушку.

Пылкая молодежь мгновенно воспламенилась от таких слов. За Простодушным уже следовала толпа, все уже бежали к монастырю. Если бы судья не дал сразу же знать начальнику гарнизона, если бы за веселым воинством не была направлена погоня, дело было бы сделано. Простодушного водворили назад, к дядюшке и тетушке, которые оросили его слезами нежности.

— Вижу, что не бывать вам ни иподьяконом, ни приором, — сказал дядюшка. — Из вас выйдет офицер, еще более храбрый, чем мой брат-капи-

тан, и, вероятно, такой же голодранец, как он.

А мадемуазель де Керкабон все плакала, обнимая его и приговаривая:

— Убьют его, как братца. Куда было бы лучше, если бы он сделался иподьяконом.

Простодушный подобрал во время боя большой, набитый гинеями кошелек, который обронил, вероятно, адмирал. Он не сомневался, что на эти деньги можно скупить всю Нижнюю Бретань, а главное, превратить м-ль де Сент-Ив в знатную даму. Все убеждали его съездить в Версаль и получить вознаграждение по заслугам. Начальник гарнизона и старшие офицеры снабдили его множеством удостоверений Дядюшка и тетушка отнеслись к этому путешествию племянника одобрительно. Добиться представления королю не составит труда, и вместе с тем это чудесно прославит его на весь округ. Оба добряка пополнили английский кошелек кругленькой суммой из собственных сбережений. Простодушный размышлял про себя; «Когда увижу короля, я попрошу у него руки м-ль де Сент-Ив, и он, конечно, мне не откажет». И уехал под приветственные клики всей округи, удушенный объятиями и орошенный слезами тетушки, получив благословение дядюшки и поручив себя молитвам

прекрасной Сент-Ив.

Глава восьмая. Простодушный отправляется ко двору. По дороге он ужинает с гугенотами

Простодушный поехал по Сомюрской дороге в почтовой колымаге, потому что в те времена не было более удобных способов передвижения. Прибыв в Сомюр, он удивился, застав город почти опустевшим и увидав несколько отъезжающих семейств. Ему сказали, что шесть лет назад в Сомюре было более пятнадцати тысяч душ, а сейчас в нем нет и шести тысяч[21]. Он не преминул заговорить об этом в гостинице за ужином. За столом было несколько протестантов; одни из них горько сетовали, другие дрожали от гнева, иные говорили со слезами:

…Nos dulcia hnquimus arva,

Nos patnam fugimus…

Простодушный, не зная латыни, попросил

---

[21] Примечания: 21

Сомюр был городом в основном протестантским. После отмены в 1685 г. Нантского эдикта короля Генриха IV (1598), дававшего протестантам-гугенотам право свободного вероисповедания, большинство жителей Сомюра покинуло город, вынужденное эмигрировать, спасаясь от вспыхнувших религиозных гонений.

растолковать ему эти слова; они означали: «Мы покидаем наши милые поля, мы бежим из отчизны»[22].

— Отчего же вы бежите из отечества, господа?

— От нас требуют, чтобы мы признали папу.

— А почему вы его не признаете? Вы, стало быть, не собираетесь жениться на своих крестных матерях? Мне говорили, что он дает разрешения на такие браки.

— Ах, сударь, папа говорит, что он — хозяин королевских владений.

— Позвольте, господа, а у вас-то какой род занятий?

— Большинство из нас сукноторговцы и фабриканты.

— Если ваш папа говорит, что он хозяин ваших сукон и фабрик, то вы правы, не признавая его, но что касается королей, это уж их дело: вам-то зачем в него вмешиваться?

Тогда в разговор вступил некий человечек, одетый во все черное[23], и очень толково изложил, в чем заключается их неудовольствие. Он так выра-

---

[22] Примечания: 22

Слова из «Буколик» Вергилия (I. 3-4).

[23] Примечания: 23

...человечек, одетый во все черное... — то есть протестантский священник.

зительно рассказал об отмене Нантского эдикта и так трогательно оплакал участь пятидесяти тысяч семейств, спасшихся бегством, и других пятидесяти тысяч, обращенных в католичество драгунами, что Простодушный, в свою очередь, пролил слезы…

— Как же это так получилось, — промолвил он, — что столь великий король, чья слава простирается даже до страны гуронов, лишил себя такого множества сердец, которые могли бы его любить, и такого множества рук, которые могли бы служить ему?

— Дело в том, что его обманули, как обманывали и других великих королей, — ответил черный человек. — Его уверили, что стоит ему только сказать слово, как все люди станут его единомышленниками, и он заставит нас переменить веру так же, как его музыкант Люлли в один миг меняет декорации в своих операх. Он не только лишается пятисот — шестисот тысяч полезных ему подданных, но и наживает в них врагов. Король Вильгельм[24], который правит теперь Англией, составил несколько полков из тех самых французов, которые могли бы сражаться за своего

[24] Примечания: 24

Король Вильгельм — английский король Вильгельм III (1650 — 1702); правил с 1689 г.

монарха. Это бедствие тем более удивительно, что нынешний папа [25], ради которого Людовик Четырнадцатый пожертвовал частью своего народа, — его открытый враг. Они до сих пор в ссоре, и она длится девять лет. Эта ссора зашла так далеко, что Франция уже надеялась сбросить наконец ярмо, подчиняющее ее столько веков иноземцу, а главное, не платить ему больше денег, которые являются самым важным двигателем в делах мира сего. Итак, очевидно, что великому королю внушили ложное представление о его выгодах, равно как и о пределах его власти, и нанесли ущерб великодушию его сердца.

Простодушный, растроганный, спросил, кто же эти французы, смеющие обманывать подобным образом столь любезного гуронам монарха.

— Это иезуиты, — сказали ему в ответ, — и в особенности отец де Ла Шез[26], духовник его величества. Надо надеяться, что бог накажет их когда-нибудь и что они будут гонимы так же, как

---

[25] Примечания: 25

Речь идет о папе Иннокентии XI (понтификат 1676 — 1689 гг.), враждовавшем с Людовиком XIV из-за права короля получать доходы с церковных владений.

[26] Примечания: 26

Ла Шез Франсуа (1624 — 1709) — иезуит, папский агент при французском дворе, имевший огромное влияние на Людовика XIV и его окружение. Ла Шез был основным инициатором отмены Нантского эдикта.

сейчас гонят нас. Какое горе сравнится с нашим? Господин де Лувуа насылает на нас со всех сторон иезуитов и драгунов [27].

— О господи! — воскликнул Простодушный, будучи уже не в силах сдерживать себя. — Я еду в Версаль, чтобы получить награду, которая следует мне за мои подвиги; я потолкую с господином Лувуа, мне говорили, что в королевском министерстве он ведает военными делами. Я увижу короля и открою ему истину, а познав истину, нельзя ей не последовать. Я скоро вернусь назад и вступлю в брак с мадемуазель де Сент-Ив; прошу вас пожаловать на свадьбу.

Его приняли за вельможу, путешествующего инкогнито в почтовой колымаге, а иные — за королевского шута.

За столом сидел переодетый иезуит, состоявший сыщиком при преподобном отце де Ла Шез. Он осведомлял его обо всем, а отец де Ла Шез передавал эти сообщения г-ну де Лувуа. Сыщик настрочил письмо. Простодушный прибыл в Версаль почти одновременно с этим письмом.

---

[27] Примечания: 27

Мишель Ле Телье де Лувуа (1641 — 1691), военный министр Людовика XIV, руководил жестокими операциями против гугенотов; он широко применял «драгонады» — насильственный военный постой драгунов в гугенотских домах.

Глава девятая. Прибытие простодушного в Версаль. Прием его при дворе

Простодушный въезжает в «горшке»[28] на задний двор. Он спрашивает у носильщиков королевского паланкина, в котором часу можно повидаться с королем. Те в ответ только нагло смеются — совсем как английский адмирал. Простодушный обошелся с ними точно так же, как с адмиралом, то есть отколотил их. Они не захотели остаться в долгу, и дело, вероятно, дошло бы до кровопролития, если бы проходивший мимо лейбгвардеец, бретонец родом, не разогнал челядь.

— Сударь, — сказал ему путешественник, — вы, сдается мне, порядочный человек. Я — племянник господина приора храма Горной богоматери; я убил несколько англичан, и мне нужно поговорить с королем. Проведите меня, пожалуйста, в его покои.

Гвардеец, обрадовавшись встрече с земляком, не сведущим, по-видимому, в придворных

---

[28] Примечания: 28

Это экипаж, возивший из Парижа в Версаль, похожий на маленькую крытую двуколку.

порядках, сообщил ему, что так с королем не поговоришь, а надо, чтобы он был представлен его величеству монсеньором де Лувуа.

— Так проведите меня к монсеньеру де Лувуа, который, без сомнения, представит меня королю.

— Разговора с монсеньером де Лувуа еще труднее добиться, чем разговора с его величеством, — ответил гвардеец. — Но я провожу вас к господину Александру, начальнику военной канцелярии; это то же самое, что поговорить с самим министром.

Они идут к этому господину Александру, начальнику канцелярии, но попасть к нему не могут: он занят важным разговором с некой придворной дамой, и к нему никого не пускают.

— Ну что ж, — говорит гвардеец, — беда не велика; пойдем к старшему письмоводителю господина Александра: это все равно, что поговорить с ним самим.

Крайне изумленный гурон следует за своим вожатым; они полчаса сидят в тесной приемной.

— Что же это такое? — недоумевал Простодушный. — Неужели в здешних местах все люди невидимки? Куда легче сражаться в Нижней Бретани с англичанами, чем увидеть в Версале

тех, к кому имеешь дело.

Он развеял скуку, рассказав гвардейцу историю своей любви. Однако бой часов напомнил тому, что пора возвращаться к исполнению служебных обязанностей. Они уговорились завтра повидаться снова, а пока что Простодушный просидел в приемной еще полчаса, размышляя о м-ль де Сент-Ив и о том, как трудно добиться разговора с королями и старшими письмоводителями.

Наконец этот важный начальник появился.

— Сударь, — сказал Простодушный, — если бы, намереваясь отбить англичан, я стал зря терять столько времени, сколько потерял его сейчас, ожидая, чтобы вы меня приняли, англичане спокойнейшим образом успели бы разорить Нижнюю Бретань.

Чиновник был совершенно ошеломлен такой речью.

— Чего вы домогаетесь? — спросил он наконец.

— Награды, — ответил тот. — Вот мои бумаги. — И он протянул все свои удостоверения.

Чиновник прочитал их и сказал, что, возможно, подателю разрешат купить чин лейтенанта.

— Купить? Чтобы я еще платил деньги за то, что отбил англичан? Чтобы покупал право быть убитым в сражении за вас, пока вы тут спокой-

ненько принимаете посетителей? Вам, видимо, угодно посмеяться надо мной! Я желаю получить командование кавалерийской ротой безвозмездно; желаю, чтобы король выпустил мадемуазель де Сент-Ив из монастыря и выдал бы ее замуж за меня; желаю поговорить с королем об оказании милости пятидесяти тысячам семейств, которые я намерен вернуть ему. Одним словом, я желаю быть полезным; пусть меня приставят к делу и произведут в чин.

— Кто вы такой, сударь, что осмеливаетесь говорить так громко?

— Ах, так! — воскликнул Простодушный. — Выходит, вы не прочли моих удостоверений? Таков, значит, ваш обычай? Мое имя — Геракл де Керкабон; я крещеный, стою в гостинице «Синие часы» и обязательно пожалуюсь на вас королю.

Письмоводитель, подобно сомюрцам, решил, что Простодушный не в своем уме, и не придал его словам особого значения.

В тот же день преподобный отец де Ла Шез, духовник Людовика XIV, получил письмо от своего шпиона; тот обвинял бретонца Керкабона в тайном сочувствии гугенотам и в порицании иезуитов. Г-н де Лувуа, со своей стороны, получил письмо от вопрошающего судьи, который

изображал. Простодушного как повесу, намеревающегося жечь монастыри и похищать невинных девушек.

Простодушный, погуляв по версальским садам, которые нагнали на него скуку, поужинав по-гуронски и по-нижнебретонски, улегся спать, питая сладостную надежду, что завтра увидит короля, испросит его согласия на брак с м-ль де Сент-Ив, получит по меньшей мере роту кавалерии и добьется прекращения гонений на гугенотов. Он убаюкивал себя этими радужными мечтами, когда в комнату вошли стражники. Они первым делом отобрали у него двуствольное ружье и огромную саблю.

Составив опись наличных денег Простодушного, его отвезли в замок, построенный королем Карлом[29], сыном Иоанна, близ улицы Св. Антония, у Башенных ворот.

Как был потрясен Простодушный во время этого путешествия, вообразите сами. Сперва ему казалось, что это сон; он был в оцепенении, но потом вдруг схватил за горло двух своих провожатых, сидевших с ним в карете, выбросил их вон, сам бросился вслед за ними и увлек за собой

---

[29] Примечания: 29

Речь идет о Бастилии, постройка которой началась при Карле V, в 1370 г.

третьего, который пытался его удержать. Он упал от изнеможения, тогда его связали и опять усадили в карету.

— Так вот какова награда за изгнание англичан из Нижней Бретани! — воскликнул он. — Что сказала бы ты, прекрасная Сент-Ив, если бы увидела меня в этом положении!

Подъезжают наконец к предназначенному ему жилью и молча, как покойника на кладбище, вносят в камеру, где ему предстоит отбывать заключение. Там уже два года томился некий старый отшельник из Пор-Рояля[30] по имени Гордон.

— Вот, привел вам товарища, — сказал ему начальник стражи. И тотчас же задвинулись огромные засовы на массивной двери, окованной железом. Узники были отлучены от всего мира.

---

[30] Примечания: 30

Пор-Рояль — монастырь близ Парижа, основной центр янсенистов.

Глава десятая. Простодушный заключен в Бастилию с янсенистом

Гордон был ясный духом и крепкий телом старик, обладавший двумя великими талантами: стойко переносить превратности судьбы и утешать несчастных. Он подошел к Простодушному, обнял его и сказал с искренним сочувствием:

— Кто бы ни были вы, пришедший разделить со мной эту могилу, будьте уверены, что я в любую минуту готов забыть о себе ради того, чтобы облегчить ваши страдания в той адской бездне, куда мы погружены. Преклонимся перед провидением, которое привело нас сюда, будем смиренно терпеть ниспосланные нам горести и надеяться на лучшее.

Эти слова подействовали на душу гурона, как английские капли, которые возвращают умирающего к жизни и заставляют его удивленно открывать глаза.

После первых приветствий Гордон, отнюдь не пытаясь выведать у Простодушного, что послужило причиной его несчастья, мягкостью своего обращения и тем участием, которым проникают-

ся друг к другу страдальцы, внушил тому желание облегчить душу и сбросить гнетущее ее бремя; но так как гурон сам не понимал, из-за чего с ним случилась эта беда, то считал ее следствием без причины. Он мог только дивиться, и вместе с ним дивился добряк Гордон.

— Должно быть, — сказал янсенист гурону, — бог предназначает вас для каких-то великих дел, раз он привел вас с берегов озера Онтарио в Англию и Францию, дозволил принять крещение в Нижней Бретани, а потом, ради вашего спасения, заточил сюда.

— По совести говоря, — ответил Простодушный, — мне кажется, что судьбой моей распоряжался не бог, а дьявол. Мои американские соотечественники ни за что не допустили бы такого варварского обращения, какое я сейчас терплю: им бы это просто в голову не пришло. Их называют дикарями, а они хотя и грубы, но добродетельны, тогда как жители этой страны хотя и утонченны, но отъявленные мошенники. Разумеется, я не могу не изумляться тому, что приехал из Нового Света в Старый только для того, чтобы очутиться в камере за четырьмя засовами в обществе священника; но тут же я вспоминаю великое множество людей, покинувших одно

полушарие и убитых в другом или потерпевших кораблекрушение в пути и съеденных рыбами. Что-то я не вижу во всем этом благих предначертаний божьих.

Им подали через окошечко обед. Разговор от провидения перешел на приказы об арестах и на умение не падать духом в несчастье, которое может постичь в этом мире любого смертного.

— Вот уже два года, как я здесь, — сказал старик, — и утешение нахожу только в самом себе и в книгах; однако я ни разу не впадал в уныние.

— Ах, господин Гордон! — воскликнул Простодушный. — Вы, стало быть, не влюблены в свою крестную мать! Будь вы, подобно мне, знакомы с мадемуазель де Сент-Ив, вы тоже пришли бы в отчаянье.

При этих словах он невольно залился слезами, после чего почувствовал, что уже не так подавлен, как прежде.

— Отчего слезы приносят облегчение? — спросил он. — По-моему, они должны были бы производить обратное действие.

— Сын мой, все в нас — проявление физического начала, — ответил почтенный старик. — Всякое выделение жидкости полезно нашему телу, а что приносит облегчение телу, то облегчает и

душу: мы просто-напросто машины, которыми управляет провидение.

Простодушный, обладавший, как мы говорили уже много раз, большим запасом здравого смысла, глубоко задумался над этой мыслью, зародыш которой существовал в нем, кажется, и ранее. Немного погодя он спросил своего товарища, почему его машина вот уже два года находится под четырьмя засовами.

— Такова искупительная благодать, — ответил Гордон. — Я слыву янсенистом, знаком с Арно и Николем[31]; иезуиты подвергли нас преследованиям. Мы считаем папу обыкновенным епископом, и на этом основании отец де Ла Шез получил от короля, своего духовного сына, распоряжение отнять у меня величайшее из людских благ — свободу.

— Как все это странно! — сказал Простодушный. — Во всех несчастьях, о которых мне пришлось слышать, всегда виноват папа. Что касается вашей искупительной благодати, то, признаться, я ничего в ней не смыслю, но зато величайшей благодатью считаю то, что в моей беде бог послал мне вас, человека, который смог

---

[31] Примечания: 31

Речь идет об основных теоретиках и вождях янсенизма Антуане Арно (1612 — 1694) и Пьере Николе (ок. 1625 — 1695).

утешить мое, казалось бы, безутешное сердце.

С каждым днем их беседы становились все занимательнее и поучительнее, а души все более и более сближались. У старца были немалые познания, а у молодого — немалая охота к их приобретению. Геометрию он изучил за один месяц, — он прямо-таки пожирал ее. Гордон дал ему прочитать «Физику» Рого[32], которая в то время была еще в ходу, и Простодушный оказался таким сообразительным, что усмотрел в ней одни неясности.

Затем он прочитал первый том «Поисков истины»[33]. Все предстало перед ним в новом свете.

— Как! — говорил он. — Воображение и чувство до такой степени обманчивы! Как! Внешние предметы не являются источником наших представлений! Более того — мы даже не можем по своей воле составить себе их!

Прочитав второй том, он уже не был так дово-

---

[32] Примечания: 32

Рого Жак — французский ученый, последователь Декарта; его основное сочинение — «Трактат о физике» (1671).

[33] Примечания: 33

«Поиски истины» — работа французского философа-картезианца (то есть последователя Декарта) Мальбранша. Вольтер ценил первый том этой работы (вышел в 1674 г.) за критическое отношение к авторитетам и за глубокий анализ теории познания, основанный на критике сенсуализма. Второй том (1675) Вольтер резко критиковал за содержащуюся в нем метафизику.

лен и решил, что легче разрушать, чем строить.

Его товарищ, удивленный тем, что молодой невежда высказал мысль, доступную лишь искушенным умам, возымел самое высокое мнение о его рассудке и привязался к нему еще сильнее.

— Ваш Мальбранш, — сказал однажды Простодушный, — одну половину своей книги написал по внушению разума, а другую — по внушению воображения и предрассудков.

Несколько дней спустя Гордон спросил его:

— Что же думаете вы о душе, о том, как складываются у нас представления, о нашей воле, о благодати и о свободе выбора?

— Ничего не думаю, — ответил Простодушный. — Если и были у меня какие-нибудь мысли, так только о том, что все мы, подобно небесным светилам и стихиям, подвластны Вечному Существу, что наши помыслы исходят от него, что мы — лишь мелкие колесики огромного механизма, душа которого — это Существо, что воля его проявляется не в частных намерениях, а в общих законах. Только это кажется мне понятным, остальное– темная бездна.

— Но, сын мой, по-вашему выходит, что и грех — от бога.

— Но, отец мой, по вашему учению об иску-

пительной благодати выходит то же самое, ибо все, кому отказано в ней, не могут не грешить; а разве тот, кто отдает нас во власть злу, не есть исток зла?

Его наивность сильно смущала доброго старика; тщетно пытаясь выбраться из трясины, он нагромождал столько слов, казалось бы, осмысленных, а на самом деле лишенных смысла (вроде физической премоции[34]), что Простодушный даже проникся жалостью к нему. Так как все, очевидно, сводилось к происхождению добра и зла, то бедному Гордону пришлось пустить в ход и ларчик Пандоры [35], и яйцо Оромазда, продавленное Ариманом [36], и нелады Тифона с Озирисом [37], и, наконец, первородный грех; оба друга блуждали в этом непроглядном мраке

[34] Примечания: 34

Физическая премоция — в терминологии Фомы Аквинского — активное воздействие божественной воли на человеческие побуждения. Мальбранш написал на эту тему специальную работу (1715).

[35] Примечания: 35

Ларчик Пандоры — согласно греческому мифу, сосуд, содержащий все людские пороки и несчастия; Пандора из любопытства открыла сосуд и выпустила его содержимое.

[36] Примечания: 36

В древнеперсидских мифах рассказывается о вражде злого бога Анхра-Майнью (Аримана) с братом его, добрым богом Ахурамаздой (Оромаздом); Оромазд собрал все человеческие беды в большое яйцо, а Ариман разбил его.

[37] Примечания: 37

В одном из эллинистических мифов древнегреческое божество зла Тифон отождествляется с египетским богом смерти и бедствий Сетом, убившим своего брата Озириса.

и так и не смогли сойтись. Тем не менее эта повесть о похождениях души отвлекла их взоры от лицезрения собственных несчастий, и мысль о множестве бедствий, излитых на вселенную, по какой-то непонятной причине умалила их скорбь: раз кругом все страждет, они уже не смели жаловаться на собственные страдания.

Но в ночной тишине образ прекрасной Сент-Ив изгонял из сознания ее возлюбленного все метафизические и нравственные идеи. Он просыпался в слезах, и старый янсенист, забыв об искупительной благодати, и о Сен-Сиранском аббате[38], и Янсениусе, утешал молодого человека, находившегося, по его мнению, в состоянии смертного греха.

После чтения, после отвлеченных рассуждений они начинали вспоминать все, что с ними случилось, а после этих бесцельных разговоров снова принимались за чтение, совместное или раздельное. Ум молодого человека все более развивался. Он особенно преуспел бы в математике, если бы его все время не отвлекал от занятий образ м-ль де Сент-Ив.

---

[38] Примечания: 38

Сен-сиранский аббат — Имеется в виду Жан-Дювержье де Оранн (1581 — 1643), французский проповедник, один из пропагандистов янсенизма.

Он начал читать исторические книги, и они опечалили его. Мир представлялся ему слишком уж ничтожным и злым. В самом деле, история — это не что иное, как картина преступлений и несчастий. Толпа людей, невинных и кротких, неизменно теряется в безвестности на обширной сцене. Действующими лицами оказываются лишь порочные честолюбцы. История, по-видимому, только тогда и нравится, когда представляет собой трагедию, которая становится томительной, если ее не оживляют страсти, злодейства и великие невзгоды. Клио надо вооружать кинжалом, как Мельпомену[39].

Хотя история Франции, подобно истории всех прочих стран, полна ужасов, тем не менее она показалась ему такой отвратительной вначале, такой сухой в середине, напоследок же, даже во времена Генриха IV, такой мелкой и скудной по части великих свершений, такой чуждой тем прекрасным открытиям, какими прославили себя другие народы, что Простодушному приходилось перебарывать скуку, одолевая подробное повествование о мрачных событиях, происходивших в одном из закоулков нашего мира.

---

[39] Примечания: 39

Клио — муза истории, Мельпомена — муза трагедии (греч. миф.).

Тех же взглядов держался и Гордон: обоих разбирал презрительный смех, когда речь шла о государях фезансакских, фезансагетских и астаракских[40]. Да и впрямь, такое исследование пришлось бы по душе разве что потомкам этих государей, если бы таковые нашлись. Прекрасные века Римской республики сделали гурона на время равнодушным к прочим странам земли. Победоносный Рим, законодатель народов, — это зрелище поглотило всю его душу. Он воспламенялся, любуясь народом, которым в течение целых семи столетий владела восторженная страсть к свободе и славе.

Так проходили дни, недели, месяцы, и он почитал бы себя счастливым в этом приюте отчаянья, если бы не любил.

По своей природной доброте он горевал, вспоминая о приоре храма Горной богоматери и о чувствительной м-ль де Керкабон.

«Что подумают они, — часто размышлял он, — не получая от меня известий? Разумеется, сочтут меня неблагодарным!»

Эта мысль тревожила Простодушного: тех, кто его любил, он жалел гораздо больше, чем самого

---

[40] Примечания: 40

То есть о правителях мельчайших средневековых графств, вошедших уже в эпоху Средних веков в состав Арманьякского графства.

себя.

Глава одиннадцатая. Как простодушный развивает свои дарования

Чтение возвышает душу, а просвещенный друг доставляет ей утешение. Наш узник пользовался обоими этими благами, о существовании которых раньше и не подозревал.

— Я склонен уверовать в метаморфозы, — говорил он, — ибо из животного превратился в человека.

На те деньги, которыми ему позволили располагать, он составил себе отборную библиотеку. Гордон побуждал его записывать свои мысли. Вот что написал Простодушный о древней истории:

«Мне кажется, что народы долгое время были такими, как я, что лишь очень поздно они достигли образованности, что в продолжение многих веков их занимал только текущий день, прошедшее же очень мало, а будущее было совсем безразлично. Я обошел всю Канаду, углублялся в эту страну на пятьсот — шестьсот лье и не набрел ни на один памятник прошлого: никто не знает, что делал его прадед. Не таково ли естественное

состояние человека?

Порода, населяющая этот материк, более развита, на мой взгляд, чем та, которая населяет Новый Свет. Уже в течение нескольких столетий расширяет она пределы своего бытия с помощью искусств и наук. Не оттого ли это, что подбородки у европейцев обросли волосами, тогда как американцам бог не дал бороды? Думаю, что не оттого, так как вижу, что китайцы, будучи почти безбородыми, упражняются в искусствах уже более пяти тысяч лет. В самом деле, если их летописи насчитывают не менее четырех тысячелетий, стало быть, этот народ около пятидесяти веков назад уже был един и процветал.

В древней истории Китая особенно поражает меня то обстоятельство, что почти все в ней правдоподобно и естественно, что в ней нет ничего чудесного.

Почему же все прочие народы приписывают себе сказочное происхождение? Древние французские летописцы, не такие уж, впрочем, древние, производят французов от некоего Франка, сына Гектора[41]; римляне утверждают, что

[41] Примечания: 41
Гектор — троянец, участник Троянской войны (греч. миф.).

происходят от какого-то фригийца [42], невзирая на то, что в их языке нет ни единого слова, которое имело бы хоть какое-нибудь отношение к фригийскому наречию; в Египте десять тысяч лет обитали боги, а в Скифии — бесы, породившие гуннов. До Фукидида [43] я не нахожу ничего, кроме романов, которые напоминают «Амадисов» [44], только гораздо менее увлекательны. Всюду привидения, прорицания, чудеса, волхвования, превращения, истолкованные сны, которые решают участь как величайших империй, так и мельчайших племен: тут говорящие звери, там звери обожествленные, боги, преображенные в людей, и люди, преображенные в богов. Если уж нам так нужны басни, пусть они будут, по крайней мере, символами истины! Я люблю басни философские, смеюсь над ребяческими и ненавижу придуманные обманщиками».

Однажды ему попалась в руки история импе-

---

[42] Примечания: 42

то есть от Энея, который, согласно некоторым поздним мифам, после гибели Трои переселился в Италию. Об этом рассказывается в «Энеиде» Вергилия.

[43] Примечания: 43

Фукидид (ок. 460 — 395 до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Истории Пелопоннесской войны».

[44] Примечания: 44

Речь идет об «Амадисе Галльском», многотомном испанском рыцарском романе, первые части которого появились в 1508 г.

ратора Юстиниана[45]. Там было сказано, что константинопольские апедевты [46] издали на очень дурном греческом языке эдикт, направленный против величайшего полководца того века [47], ссылаясь на то, что герой этот произнес как-то в пылу разговора такие слова: «Истина сияет собственным светом, и не подобает просвещать умы пламенем костров». Апедевты утверждали, что это положение еретическое, отдающее ересью, и что единственно правоверной, всеобъемлющей и греческой является обратная аксиома: «Только пламенем костров просвещаются умы, ибо истина не способна сиять собственным светом». Подобным же образом осудили линостолы [48] и другие речи полководца и издали эдикт.

— Как! — воскликнул Простодушный. — И та-

---

[45] Примечания: 45

Юстиниан — древнеримский император (527 — 565), успешно воевавший с вандалами и персами; известен сводом законов «Кодекс Юстиниана».

[46] Примечания: 46

Апедевты (греч.) — невежды; намек на богословов из Сорбонны.

[47] Примечания: 47

…величайшего полководца того века… — то есть Велизария (ок. 494 — 565), военачальника римского императора Юстиниана; согласно легенде, в конце жизни Велизарий впал в немилость и нищету. Упоминая эту личность, Вольтер намекает на гонения, которым подвергся в 1767 г. философский роман его друга Жана-Франсуа Мармонтеля (1723 — 1799) «Велизарий» за содержащиеся в главе 15 идеи религиозной терпимости (из этой главы и взята приводимая далее фраза).

[48] Примечания: 48

Линосголы (греч.) — люди в льняных одеждах; намек на священников.

кие-то вот люди издают эдикты?

— Это не эдикты, — возразил Гордон, — это контрэдикты, над которыми в Константинополе издевались все, и в первую голову император; это был мудрый государь, который сумел поставить апедевтов-линостолоз в такое положение, что они имели право творить только добро. Он знал, что эти господа и еще кое-кто из пастофоров[49] истощали терпение предшествовавших императоров контрэдиктами по более важным вопросам.

— Он правильно сделал, — сказал Простодушный. — Надо, поддерживая пастофоров, сдерживать их.

Он записал еще много других своих мыслей, и они привели в ужас старого Гордона.

«Как! — думал он, — я потратил пятьдесят лет на свое образование, но боюсь, что этот полудикий мальчик далеко превосходит меня своим прирожденным здравым смыслом. Страшно подумать, но, кажется, я укреплял только предрассудки, а он внемлет одному лишь голосу природы».

У Гордона были кое-какие критические со-

---

[49] Примечания: 49
Пастофоры — то есть священники.

чинения, периодические брошюры, в которых люди, неспособные произвести что-либо свое, поносят чужие произведения, в которых всякие Визе хулят Расинов[50], а Фэйди — Фенелонов [51]. Простодушный бегло прочитал их.

— Они подобны тем мошкам, — сказал он, — что откладывают яйца в заднем проходе самых резвых скакунов; однако кони не становятся от этого менее резвы.

Оба философа удостоили лишь мимолетным взглядом эти литературные испражнения.

Вслед за тем они вместе прочитали начальный учебник астрономии. Простодушный вычертил небесные полушария; его восхищало это величавое зрелище.

— Как печально, — говорил он, — что я приступил к изучению неба как раз в то время, когда у меня отняли право глядеть на него! Юпитер и Сатурн катятся по необозримым просторам,

---

[50] Примечания: 50

Намек на статьи французского писателя Жана Донно де Визе (1638 — 1710), критикующие произведения Расина. Они печатались в журнале «Галантный Меркурий».

[51] Примечания: 51

Вольтер имеет в виду полемическую книгу французского богослова и литературного критика Пьера Фэйди «Телемахомания» (1700), в которой тот выступил против нравоучительного романа Франсуа Фенелона (1651 — 1715) «Приключения Телемака» (1699), где содержалась критика абсолютизма.

миллионы солнц озаряют миллионы миров, а в том уголке земли, куда я заброшен, есть существа, лишающие меня, зрячее и мыслящее существо, и всех этих миров, которые я мог бы охватить взором, и даже того мира, где, по промыслу божию, я родился! Свет, созданный на потребу всей вселенной, мне не светит. Его не таили от меня под северным небосклоном, где я провел детство и юность. Не будь здесь вас, мой дорогой Гордон, я впал бы в ничтожество.

Глава двенадцатая. Что думает простодушный о театральных пьесах

Юноша Простодушный был похож на одно из тех выросших на бесплодной земле могучих деревьев, чьи корни и ветви быстро развиваются, стоит их пересадить на благоприятную почву. Как ни удивительно, такой почвой для него оказалась тюрьма.

Среди книг, заполнявших досуг обоих узников, нашлись стихи, переводы греческих трагедий и кое-какие французские театральные пьесы. Стихи, где речь шла о любви, и радовали и печалили Простодушного. Все они говорили ему о его бесценной Сент-Ив! Басня о двух голубях[52] пронзила ему сердце: он-то был лишен возможности вернуться в свою голубятню! Мольер привел его в восторг: с его помощью гурон познакомился с нравами парижан и одновременно всего рода человеческого.

— Какая из его комедий нравится вам всего

---

[52] Примечания: 52

Басня о двух голубях — произведение Лафонтена (кн. IX, 2).

более?

— «Тартюф», без сомнения.

— Мне тоже, — сказал Гордон. — В эту темницу вверг меня Тартюф, и возможно, что виновниками вашего несчастья тоже были Тартюфы. А какого вы мнения, о греческих трагедиях?

— Для греков они хороши, — ответил Простодушный. Но когда он прочитал новую «Ифигению»[53], «Федру», «Андромаху», «Гофолию», он пришел в полное восхищение, вздыхал, лил слезы и, не заучивая, запомнил их наизусть.

— Прочтите «Родогуну», — сказал Гордон. — Говорят, это верх театрального совершенства; другие пьесы, доставившие вам столько удовольствия, не идут с ней в сравнение.

После первой же страницы молодой человек вскричал:

— Это не того автора!

— Почему вы так думаете?

— Не знаю, но эти стихи ничего не говорят ни уму, ни сердцу.

— Ну, это из-за их качества.

— Зачем же писать стихи такого качества? —

---

[53] Примечания: 53

Далее перечисляются трагедии Расина «Ифигения» (1675), «Федра» (1677), «Андромаха» (1667), «Гофолия» (1691) и Корнеля — «Родогуна» (1644) и «Цинна» (1640).

возразил Простодушный.

Прочитав внимательнейшим образом всю пьесу ради того лишь, чтобы насладиться ею, Простодушный удивленно уставился на своего друга сухими глазами и не знал, что сказать. Но так как тот требовал, чтобы гурон дал отчет в своих чувствах, он сказал:

— Начала я не понял; середина меня возмутила; последняя сцена очень взволновала, хотя и показалась малоправдоподобной; никто из действующих лиц не возбудил во мне сочувствия; я не запомнил и двадцати стихов, хотя запоминаю все до единого, когда они мне по душе.

— А между тем считается, что это лучшая наша пьеса.

— В таком случае, — ответил Простодушный, — она подобна людям, недостойным мест, которые они занимают. В конце концов, это дело вкуса; мой вкус, должно быть, еще не сложился; я могу и ошибиться; но вы же знаете, я привык говорить все, что думаю, или, скорее, что чувствую. Подозреваю, что людские суждения часто зависят от обманчивых представлений, от моды, от прихоти. Я высказался сообразно своей природе; она, может быть, весьма несовершенна, но может быть и так, что большинство людей недостаточно

прислушивается к голосу своей природы.

После этого он произнес несколько стихов из «Ифигении», которых знал множество, и хотя декламировал он неважно, однако вложил в свое чтение столько искренности и задушевности, что вызвал у старого янсениста слезы. Затем Простодушный прочитал «Цинну»; тут он не плакал, но восхищался.

Глава тринадцатая. Прекрасная Сент-Ив едет в Версаль

Пока наш незадачливый гурон скорее просвещается, чем утешается, пока его способности, долго находившиеся в пренебрежении, развиваются так быстро и бурно, пока природа его, совершенствуясь, вознаграждает за обиды, нанесенные ему судьбой, посмотрим, что тем временем происходит с г-ном приором, с его доброй сестрой и с прекрасной затворницей Сент-Ив. Первый месяц прошел в беспокойстве, а на третий месяц они погрузились в скорбь; их пугали ложные догадки и неосновательные слухи; на исходе шестого месяца все сочли, что гурон умер. Наконец г-н де Керкабон и его сестра узнали из письма, давным-давно отправленного бретонским лейб-гвардейцем, что какой-то молодой человек, похожий по описанию на Простодушного, прибыл однажды вечером в Версаль, но что в ту же ночь его куда-то увезли и что с тех пор никто ничего о нем не слыхал.

— Увы, — сказала м-ль де Керкабон, — наш племянник сделал, вероятно, какую-нибудь глу-

пость и попал в беду. Он молод, он из Нижней Бретани, откуда же ему знать, как себя вести при дворе? Дорогой братец, я не бывала ни в Версале, ни в Париже; вот отличный случай их посмотреть. Мы разыщем, быть может, нашего бедного племянника, — он сын нашего брата, наш долг помочь ему. Как знать, возможно, когда умерится в нем юношеский пыл, нам в конце концов все же удастся сделать его иподьяконом. У него были большие способности к наукам. Помните, как он рассуждал о Ветхом и Новом завете? Мы отвечаем за его душу — ведь это мы «говорили его креститься. К тому же его милая возлюбленная Сент-Ив целыми днями плачет о нем. Нет, в Париж съездить необходимо. Если он застрял в одном из тех мерзких веселых домов, о которых я столько наслушалась, мы вызволим его оттуда.

Приора тронули речи сестры. Он отправился в Сен-Мало к епископу, который крестил гурона, и попросил у него покровительства и совета. Прелат одобрил мысль о поездке. Он снабдил приора рекомендательными письмами к отцу де Ла Шез, королевскому духовнику и высшему сановнику в королевстве, к парижскому архиепископу Ар-

ле[54] и к Боссюэ [55], епископу города Мо.

Наконец брат и сестра пустились в путь. Однако, приехав в Париж, они потерялись в нем, словно в обширном лабиринте люди, не имеющие путеводной нити. Средства у них были скромные, между тем для розысков им каждый день требовалась карета, а розыски ни к чему не приводили.

Приор отправился к преподобному отцу де Ла Шез, но у того сидела м-ль дю Трон[56], и ему было не до приоров. Он толкнулся к архиепископу; прелат заперся с прекрасной г-жой де Ледигьер и занимался с ней церковными делами. Он помчался в загородный дом епископа города Мо, но тот в обществе м-ль де Молеон [57] подвергал разбору «Мистическую любовь» г-жи де Гюйон

---

[54] Примечания: 54

Арле де Шанваллон Франсуа (1625 — 1695) — французский церковный деятель, один из инициаторов отмены Нантского эдикта; был знаменит своими любовными похождениями.

[55] Примечания: 55

Боссюэ Жак-Бенинь (1627 — 1704) — французский богослов и проповедник, ревностный защитник основных догм католицизма.

[56] Примечания: 56

М-ль дю Трон — племянница Бонтана, камердинера Людовика XIV, имевшего большое влияние на Короля.

[57] Примечания: 57

М-ль де Молеон. — Вольтер в своей работе «Век Людовика XIV», основываясь на свидетельствах современников, писал, что Боссюэ до принятия церковного сана вступил в тайный брак с м-ль Девье (или

Молеон) и в течение всей жизни сохранял с ней близкие отношения.

[58]. Ему удалось все же добиться, чтобы эти прелаты выслушали его; оба заявили, что не могут заняться судьбой его племянника, так как он не иподьякон.

Напоследок он повидался с иезуитом; отец де Ла Шез принял его с распростертыми объятиями, уверяя, что всегда питал к нему особое уважение, хотя и не был с ним знаком. Он поклялся, что общество Иисуса всегда было благорасположено к нижнебретонцам.

— Но, быть может, — спросил он, — ваш племянник имеет несчастье быть гугенотом?

— Что вы, преподобный отец, разумеется, нет»

— А он случайно не янсенист?

— Смею заверить вас, ваше преподобие, что и христианин-то он совсем новорожденный: мы крестили его всего одиннадцать месяцев назад.

— Вот и хорошо, вот и хорошо, мы о нем позаботимся. А богат ли ваш приход?

— О нет, совсем бедный, а племянник обходится нам недешево.

— Нет ли у вас по соседству янсенистов? Будьте очень осторожны, господин приор: они опаснее

---

[58] Примечания: 58

Г-жа де Гюйон (1648 — 1717) — сторонница и пропагандистка квиетизма, религиозной доктрины, проповедующей созерцательную жизнь, пассивность, мистическую любовь к богу.

гугенотов и атеистов.

— Их у нас нет, преподобный отец: в приходе Горной богоматери не знают, что такое янсенисты.

— Тем лучше. Поверьте, нет такой вещи, которой я не сделал бы для вас. Он любезно проводил приора до дверей и мигом забыл о нем. Время шло; приор и его сестра совсем уже отчаялись. Между тем гнусный судья торопил свадьбу своего олуха-сына с прекрасной Сент-Ив, которую ради этого выпустили из монастыря. Она по-прежнему любила своего крестника так же сильно, как ненавидела навязанного ей жениха. От обиды на то, что ее заточили в монастырь, страсть только возросла; приказание выйти замуж за сына судьи довершило дело. Сожаление, нежность и страх волновали ей душу. Девичья любовь, как известно, куда изобретательнее, чем привязанность какого-нибудь старого приора или тетушки, которой перевалило за сорок. К тому же молодая девушка очень развилась за время пребывания в монастыре благодаря романам, которые украдкой там прочла.

Она не забыла про письмо, отправленное в свое время лейб-гвардейцем в Нижнюю Бретань и вызвавшее там толки, и решила, что сама разведает

дело в Версале, бросится к ногам министра, если верны слухи, что ее возлюбленный в тюрьме, и добьется его оправдания. Какое-то тайное чувство подсказывало ей, что при дворе красивой девушке не откажут ни в чем; но она не знала, во что ей это обойдется.

Приняв решение, она утешилась; она спокойна, не отталкивает больше болвана-жениха, приветливо встречает отвратительного свекра, ласкается к брату, наполняет дом весельем; потом, в тот самый день, когда должна была состояться брачная церемония, уезжает тайком в четыре часа утра, захватив с собой мелкие свадебные подарки и все, что удалось собрать. Все было так хорошо рассчитано, что, когда около полудня зашли к ней в комнату, она была уже за десять лье от дома. Велико было общее изумление и замешательство. Пытливый судья задал за этот день не меньше вопросов, чем обычно задавал за целую неделю, нареченный же супруг превратился еще в большего дурака, чем был раньше. Аббат де Сент-Ив решил в сердцах пуститься в погоню за сестрой. Судья с сыном взялись его сопровождать. Таким образом почти целый округ Нижней Бретани оказался волею судьбы в Париже.

Прекрасная Сент-Ив понимала, что за ней пого-

нятся. Она ехала верхом и хитро выспрашивала обгонявших ее королевских гонцов, не видели ли они на Парижской дороге толстого аббата, огромного судью и молодого олуха. Узнав на третий день, что они уже нагоняют ее, она свернула на другую дорогу и была столь ловка и удачлива, что добралась до Версаля, в то время как ее тщетно разыскивали в Париже.

Но как вести себя в Версале? Как ей, молодой, красивой, лишенной советчика, лишенной поддержки, ни с кем не знакомой, беззащитной перед опасностями, решиться на поиски лейб-гвардейца? Она надумала обратиться к одному иезуиту низшего ранга: там водились иезуиты всякого рода, пригодные для людей любых сословий. Подобно тому как бог, говорили они, даровал разным породам животных различную пищу, так даровал он и королю особого духовника, которого все искатели духовных должностей величали «главой галликанской церкви»; далее следовали духовники принцесс; у министров не было духовных отцов: не так они были просты, чтобы обзаводиться ими. Были иезуиты, приставленные к придворным служителям, и особые иезуиты при горничных, через которых выведывались тайны их хозяек; эта должность считалась очень

важной. Прекрасная Сент-Ив обратилась к одному из этих последних; имя его было Тут-и-там. Она исповедалась у него, открыла ему свои похождения, свое звание, свои страхи и заклинала его поселить ее у какой-нибудь набожной особы, которая оградила бы ее от всех соблазнов.

Отец Тут-и-там направил ее к жене одного из придворных виночерпиев, своей вернейшей духовной дочери. Оказавшись у нее в доме, м-ль де Сент-Ив поспешила завоевать доверие и дружбу этой женщины, навела у нее справки о бретонском лейб-гвардейце и пригласила его к себе. Узнав от него, что ее возлюбленный был увезен после разговора со старшим письмоводителем, она бежит к этому чиновнику. При виде красивой женщины тот смягчается, ибо нельзя же спорить с тем, что бог только на то и создал женщин, чтобы укрощать мужчин.

Письмоводитель, разнежась, признался ей во всем:

— Ваш возлюбленный уже около года в Бастилии и, не будь вас, просидел бы там, быть может, всю жизнь.

Нежная Сент-Ив упала в обморок. Когда она пришла в себя, письмоводитель сказал ей:

— Я неправомочен творить добро; вся моя

власть сводится к тому, что время от времени я могу делать зло. Послушайтесь меня, сейчас же идите к родственнику и любимцу монсеньера де Лувуа, господину де Сен-Пуанж[59], который творит и добро и зло. У нашего министра две души: одна из них — господин де Сен-Пуанж, другая — госпожа де Дюбеллуа [60], но ее нет сейчас в Версале. Выход у вас один: умилостивить названного мной покровителя.

Прекрасная Сент-Ив, в чьей душе толика радости боролась с глубокой скорбью и слабая надежда — с горестными опасениями, преследуемая братом, обожающая возлюбленного, утирая слезы и проливая их вновь, дрожа, слабея и снова набираясь мужества, устремилась к г-ну де Сен-Пуанж.

---

[59] Примечания: 59

Сен-Пуанж. — Под этим именем в повести Вольтера выведен граф Сен-Флорантен (1705 — 1777), министр Людовика XV, славившийся своим сластолюбием.

[60] Примечания: 60

Госпожа Дюбеллуа. — Имеется в виду г-жа Дюфренуа, возлюбленная министра Лувуа.

Глава четырнадцатая. Простодушный развивает свой ум

Простодушный быстро преуспевал в науках, особенно в науке о человеке. Быстрое развитие его умственных способностей было вызвано отчасти его душевными свойствами, отчасти же — дикарским воспитанием, ибо, ничему не научившись в детстве, он не имел и предрассудков. Его разум, не искривленный заблуждениями, сохранил всю свою природную прямоту. Он видел вещи такими, каковы они есть, меж тем как мы под воздействием представлений, сообщенных нам в детстве, видим их всю жизнь такими, какими они не бывают.

— Ваши гонители гнусны, — говорил он своему другу Гордону.

— Мне жаль, что вас преследуют, но жаль также, что вы — янсенист. Всякая секта представляется мне скопищем заблудших людей. Скажите, существуют ли секты среди математиков?

— Нет, дорогое мое дитя, — ответил ему со вздохом Гордон. — Все люди единодушно признают истину, когда она доказана, но непомерны их

раздоры, когда речь идет об истинах неразъясненных.

— Скажите лучше — о неразъясненных заблуждениях. Если бы под грудой доводов, которые обсуждаются столько веков подряд, таилась некая единая истина, ее, несомненно, открыли бы и хоть на этот счет все на свете пришли бы к согласию. Будь эта истина нужна, как солнце нужно земле, она и сверкала бы, как солнце. Нелепо, оскорбительно для всего рода человеческого и преступно по отношению к Верховному и Бесконечному Существу утверждать, будто есть какая-то истина, существенно важная для человека, которую бог утаил.

Все, что говорил юный невежда, научаемый природой, производило глубокое впечатление на обездоленного старого ученого.

— Неужели же, — воскликнул он, — я обрек себя на несчастье ради каких-то бредней? В существовании своего горя я куда более уверен, чем в существовании искупительной благодати. Я трачу дни на рассуждения о свободе бога и рода человеческого, а своей свободы я лишился; ни блаженный Августин, ни святой Проспер[61] не

[61] Примечания: 61
Проспер (V в.) — раннехристианский латинский поэт и моралист.

изведут меня из бездны, в которой я обретаюсь.

Простодушный, верный своей натуре, сказал наконец:

— Хотите, чтобы я высказался прямо и откровенно? Тех, кто подвергается гонениям из-за пустых, никому не нужных споров, я нахожу не очень мудрыми, а их гонителей считаю извергами. Оба узника вполне сходились во взглядах на то, что их обоих заключили в тюрьму несправедливо.

— Я во сто крат более достоин сожаления, чем вы, — говорил Простодушный. — Я родился свободным, как воздух, и дорожил в жизни только этой свободой и предметом моей любви; их у меня отняли. И вот оба мы в оковах, не зная и не имея возможности спросить, за что. Двадцать лет прожил я гуроном. Их называют варварами, потому что они мстят врагам, но зато они никогда не притесняют друзей. Стоило мне вступить на французскую землю, как я пролил кровь за нее; я, быть может, спас целую провинцию — и в награду ввергнут в эту усыпальницу живых, где без вас умер бы от бешенства. Выходит, в этой стране нет законов? Здесь можно осудить человека, не выслушав его… В Англии так не бывает. Ах, не с англичанами мне следовало сражаться!

Так его нарождавшаяся философия не могла укротить натуру, чье найпервейшее право было поругано, и не преграждала путь праведному гневу.

Его товарищ не перечил ему. Разлука всегда усиливает неудовлетворенную любовь, а философия не способна ее умалить. Простодушный говорил о своей дорогой Сент-Ив так же часто, как о морали и метафизике. Чем более очищалось его чувство, тем крепче он ее любил. Он прочитал несколько новых романов. Только в очень немногих нашел он изображение своего душевного состояния. Он чувствовал, что в его сердце скрыто больше, чем во всех прочитанных им книгах.

— Ах, — говорил он, — все эти писатели отличаются только остроумием и мастерством!

Добрый священник-янсенист незаметно стал поверенным его нежной любви. В былые времена любовь была знакома ему только как грех, в котором каются на исповеди. Теперь он научился видеть в ней чувство не только нежное, но и благородное, способное и возвысить и смягчить душу, а порою даже породить добродетель. В конце концов совершилось настоящее чудо: гурон обратил на путь истинный янсениста.

Глава пятнадцатая. Прекрасная Сент-Ив не соглашается на щекотливое предложение

Итак, прекрасная Сент-Ив, преисполненная еще большей нежности, чем ее возлюбленный, отправилась к г-ну де Сен-Пуанж в сопровождении приятельницы, у которой жила, — обе укрытые вуалями. Первый, кого увидела она в дверях, был ее брат, аббат де Сент-Ив, выходивший оттуда. Она оробела, но набожная приятельница успокоила ее.

— Именно потому, что там говорили о вас дурно, должны и вы сказать свое слово. Будьте уверены, что в здешних краях обвинители всегда оказываются правы, если их вовремя не обличить. К тому же, если предчувствие меня не обманывает, вы своим видом окажете гораздо большее влияние, чем ваш брат самыми убедительными словами.

Стоит лишь немного ободрить страстно влюбленную женщину, и она становится неустрашимой. М-ль де Сент-Ив входит в приемную. Ее молодость, ее чарующая внешность, ее нежные очи, чуть увлажненные слезами, привлекли к

ней все взоры. Клевреты помощника министра забыли на миг о кумире власти и начали любоваться кумиром красоты. Сен-Пуанж провел ее в свой кабинет. Речь ее была проникновенна и изящна; Сен-Пуанж был растроган; девушка дрожала, он ее успокаивал.

— Приходите сегодня вечером, — сказал он ей. — Ваши дела заслуживают того, чтобы поразмыслить и потолковать о них на досуге. Здесь слишком много народу и прием посетителей производится слишком поспешно, а мне надо серьезно поговорить с вами обо всем, что касается вас.

Затем, воздав хвалу ее красоте и чувствам, он предложил ей прийти к семи часам вечера.

Она явилась без опоздания. Набожная приятельница сопровождала ее и на этот раз, но осталась в приемной, где занялась чтением «Христианского педагога»[62], меж тем как Сен-Пуанж и прекрасная Сент-Ив ушли во внутренние покои.

— Поверите ли, сударыня, — начал он, — что ваш брат просил меня отдать приказ о взятии вас

---

[62] Примечания: 62

«Христианский педагог» — популярная в свое время работа богослова-моралиста Филиппа Утремана, первое издание которой вышло в 1629 г.

под стражу? По правде говоря, я охотно отдал бы приказ о высылке его самого в Нижнюю Бретань.

— Увы, сударь, ваши канцелярии, видно, очень щедры на такие приказы, если за ними приезжают, как за пенсиями, из самых глухих углов королевства. Я очень далека от намерения хлопотать о подобном приказе в отношении моего брата. У меня много оснований жаловаться на него, но я уважаю людскую свободу и прошу об одном — даровать свободу тому, за кого я намерена выйти замуж. Этот человек, сын офицера, убитого на королевской службе, уже спас одну из французских провинций и в будущем тоже может быть очень полезен Королю. В чем обвиняют его? Как это возможно, что с ним так жестоко обошлись, даже не выслушав его объяснений?

Тогда помощник министра показал ей письма иезуита-шпиона и коварного судьи.

— Как! Неужели на свете существуют такие изверги? Подумать только, меня хотят насильно выдать замуж за глупейшего сына этого глупейшего и к тому же злобного человека. И от подобных наветов зависит здесь участь граждан!

Она упала на колени и, рыдая, молила выпустить на волю честного юношу, который так горячо ее любит. Состояние, в котором она нахо-

дилась, только подчеркнуло все ее прелести. Она была так хороша, что Сен-Пуанж, потеряв всякий стыд, намекнул на возможность полного успеха ее ходатайства, если она подарит ему первины того, что бережет для возлюбленного. М-ль де Сент-Ив в ужасе и замешательстве долго притворялась, что ничего не понимает; Сен-Пуанжу пришлось объясниться начистоту. Сдержанное слово, сорвавшееся с уст, породило другое, более откровенное, за которым последовало еще более выразительное. Он предложил ей не только отмену приказа об аресте, но и награду, деньги, почести, выгодные должности, и чем больше обещал, тем сильнее хотел добиться согласия.

Упав на диван, м-ль де Сент-Ив плакала, задыхалась, отказывалась верить тому, что слышала. Сен-Пуанж, в свою очередь, упал к ее ногам. Он был недурен собой, и в другом, менее предубежденном сердце не вызвал бы страха. Но м-ль де Сент-Ив боготворила своего возлюбленного и считала, что изменить ему даже ради его пользы было бы настоящим преступлением. Сен-Пуанж продолжал расточать мольбы и обещания. Напоследок голова у него пошла кругом, и он заявил, что это единственное средство извлечь из тюрьмы человека, в чьей судьбе она принимает такое

нежное и страстное участие Странный разговор затягивался. Богомолка в приемной, читая «Христианского педагога», бормотала: «Боже мой! Что же они там делают целых два часа? Никогда не случалось, чтобы монсеньер де Сен-Пуанж давал кому-нибудь такую долгую аудиенцию. Может быть, он отказал бедной девушке наотрез, а она продолжает его упрашивать?»

Наконец ее приятельница вышла из внутренних покоев, растерянная, онемевшая, погруженная в глубокие размышления о нравах вельмож и полувельмож, которые так легко приносят в жертву людскую свободу и женскую честь.

За всю дорогу она не проронила ни слова. Лишь ввернувшись домой, прекрасная Сент-Ив не выдержала и рассказала подруге все. Богомолка принялась размашисто креститься.

— Моя дорогая, надо завтра же посоветоваться с нашим духовником, отцом Тут-и-там; он пользуется большим доверием у г-на де Сен-Пуанж; у него исповедуются многие служанки из этого дома; он человек благочестивый, доброжелательный и наставляет не только горничных, но и знатных дам. Доверьтесь ему вполне, — я всегда так поступаю, и благодаря этому все идет у меня хорошо. Нам, бедным женщинам, необходимо

мужское руководство. Так вот, моя дорогая, завтра же я пойду к отцу Тут-и-там.

Глава шестнадцатая. Она советуется с иезуитом

Как только прекрасная, удрученная горем Сент-Ив оказалась наедине с добрым духовником, она призналась ему, что некий могущественный сластолюбец предлагает выпустить из тюрьмы того, с кем она намерена сочетаться законным браком, но за эту услугу требует слишком дорогой платы, что ей отвратительна подобная измена и что, если бы речь шла о ее собственной жизни, она предпочла бы умереть.

— Что за омерзительный грешник! — сказал отец Тут-и-там. — Скажите мне имя этого негодяя: не сомневаюсь, что он — янсенист. Я донесу на него его преподобию, отцу де Ла Шез, и он отправит его в то обиталище, где томится сейчас ваш дорогой нареченный.

Несчастная девушка сперва никак не могла решиться, но после долгих колебаний все же назвала имя Сен-Пуанжа.

— Господин де Сен-Пуанж! — воскликнул иезуит. — Ах, дочь моя, это совсем другое дело! Он — родня величайшего из всех бывших и насто-

ящих министров, он добродетельный человек, ревнитель нашего правого дела, хороший христианин; такая мысль ему и в голову не могла бы прийти. Вы, наверно, не поняли его.

— Ах, отец мой, я слишком хорошо его поняла. Как бы я ни поступила, мне все равно пропадать; либо горе, либо позор — другого выбора у меня нет: или моему возлюбленному быть погребенным заживо, или мне стать недостойной жизни. Я не могу допустить, чтобы он погиб, но и спасти его тоже не могу.

Отец Тут-и-там постарался успокоить ее кроткими речами.

— Во-первых, дочь моя, никогда не произносите этих слов — «мой возлюбленный», — в них есть нечто светское и богопротивное; говорите «мой супруг», ибо хотя он еще и не супруг ваш, однако вы рассматриваете его как супруга, и это как нельзя более справедливо. Во-вторых, хотя и в мыслях ваших и надеждах он ваш супруг, однако в действительности он еще не супруг; стало быть, вы не можете впасть в прелюбодеяние, в этот великий грех, которого по мере возможности следует избегать.

В-третьих, человеческие поступки не греховны, когда вызваны благими намерениями, а нет

ничего чище намерения вернуть свободу своему нареченному.

В-четвертых, святая древность дала примеры, которые могут послужить вам чудесными образцами поведения. Блаженный Августин рассказывает[63], что при проконсуле Септимии Акиндине в год нашего спасения триста сороковой некий бедняк, не имевший возможности уплатить кесарево кесарю, был приговорен к смерти, невзирая на правило: «На нет и королевского суда нет». Дело шло о фунте золота. У осужденного была жена, которую бог наделил красотой и благоразумием. Старый богач обещал даме фунт золота, а то и больше, при условии, что она совершит с ним гнусный грех. Дама сочла, что, спасая мужа, не сотворит зла. Блаженный Августин весьма одобрительно отзывался о ее великодушной покорности обстоятельствам. Правда, старый богач обманул ее, возможно даже, что муж и не избежал виселицы; однако она сделала все, что могла, дабы спасти ему жизнь.

Будьте уверены, дочь моя, что, если уж иезуит ссылается на блаженного Августина, стало быть, этот святой изрек непреложную истину. Я ничего

---

[63] Примечания: 63
Вольтер имеет в виду трактат Августина «О Нагорной проповеди».

вам не советую, вы девушка разумная: надо полагать, вы поможете вашему мужу. Монсеньер де Сен-Пуанж порядочный человек, он вас не обманет; вот и все, что я могу вам сказать. Я помолюсь за вас и надеюсь, что все устроится к вящей славе божьей.

Прекрасная Сент-Ив, которую речи иезуита испугали не меньше, чем предложения помощника министра, вернулась к приятельнице совсем растерянная. Ей хотелось умереть и таким образом избавиться от ужасной необходимости оставить в тяжелой неволе возлюбленного, которого она обожала, или от позорной возможности освободить его ценой того, что было ей всего дороже и что должно было принадлежать только этому злосчастному возлюбленному.

Глава семнадцатая. Добродетель вынуждает ее пасть

Она просила приятельницу убить ее, но эта женщина, столь же снисходительная, как иезуит, высказалась еще откровеннее, чем он.

— Увы! — проговорила она. — При этом дворе, столь изысканном, любезном, прославленном, чего-нибудь добиться можно лишь таким способом. Должности, и самые незаметные и самые важные, нередко получают только за ту плату, которую требуют от вас. Послушайте, вы внушили мне доверие и приязнь: признаюсь вам, будь я так несговорчива, как вы, мой муж не занимал бы и того скромного места, которое дает ему возможность существовать. Он это знает и не только не сердится, но, напротив, видит во мне благодетельницу, а на себя смотрит как на моего ставленника. Неужели вы думаете, что люди, которые управляли провинциями или командовали армиями, обязаны почестями и богатством одним своим достоинствам. Среди них немало таких, которые в долгу за это перед своими супругами. Высоких воинских званий

домогались ценою любви, и место доставалось тому, чья жена красивее.

Вы находитесь в положении гораздо более выгодном: речь идет о том, чтобы освободить из тюрьмы возлюбленного и выйти за него замуж; это ваш священный Долг, и вы обязаны его выполнить. Тех прекрасных и знатных дам, о которых я вам рассказываю, не осудил никто, ну, а вам будут рукоплескать, скажут, что вы совершили проступок от избытка добродетели.

— Какая уж тут добродетель! — воскликнула прекрасная Сент-Ив. — Что за лабиринты беззаконий! Что за страна и какую надо пройти науку, чтобы узнать людей! Какой-то отец де Ла Шез и какой-то глупейший судья сажают моего возлюбленного в тюрьму, моя родня преследует меня, и в столь тяжкое время мне протягивают руку помощи лишь затем, чтобы меня обесчестить! Один иезуит погубил благородного человека, другой хочет погубить меня; кругом одни только западни, и я близка к гибели. Надо либо покончить с собой, либо поговорить с королем: я кинусь ему в ноги на его пути к обедне или в театр.

— Вас к нему не подпустят, — ответила ей приятельница. — А если бы вы, себе на горе, заговорили с ним. господин де Лувуа и преподобный

отец де Ла Шез упрятали бы вас до скончания ваших дней в монастырь.

В то время, как эта почтенная особа усугубляла подобным образом смущение отчаявшейся девушки и все глубже вонзала ей кинжал в сердце, от г-на де Сен-Пуанж явился нарочный с письмом и парой великолепных серег. Сент-Ив, рыдая, отшвырнула их, но ее приятельница подобрала серьги.

Едва лишь нарочный ушел, как наперсница вслух прочла письмо, в котором Сен-Пуанж приглашал их обеих вечером к себе на ужин. Сент-Ив поклялась, что не пойдет. Богомолка попыталась примерить ей алмазные серьги, но она решительно отказалась от этого. Целый день бедняжка боролась с собой и наконец, помышляя только о возлюбленном, побежденная, влекомая силком, не понимая, куда ее ведут, отправилась на роковое свидание. Никакими уговорами нельзя было заставить ее надеть серьги. Наперсница принесла их с особой и, перед тем как сесть за стол, насильно вдела их в уши подруги. Сент-Ив была так смущена и взволнована, что не смогла воспротивиться назойливым приставаниям приятельницы, а хозяин дома усмотрел в этом доброе для себя предзнаменование. Под конец

трапезы наперсница неприметно скрылась. Тогда Сен-Пуанж показах распоряжение об отмене ареста, указ о крупной денежной награде патент на капитанский чин и не поскупился на посулы.

— Ах, — сказала ему Сент-Ив, — как я полюбила бы вас, если бы вы не требовали моей любви!

После долгого сопротивления, рыданий, воплей, слез, ослабевшая от борьбы, растерянная, истомленная, она принуждена была сдаться. Ей оставалось только одно утешение — пообещать себе, что в то время, когда жестокосердный человек будет безжалостно пользоваться ее безвыходным положением, она все свои помыслы обратит к Простодушному.

Глава восемнадцатая. Она освобождает возлюбленного и янсениста

На рассвете, заручившись министерским приказом, она мчится в Париж. Трудно описать, что делается дорогой в ее сердце. Вообразите себе добродетельную душу, униженную позором, исполненную нежностью, истерзанную укорами совести из-за измены возлюбленному, проникнутую радостным сознанием, что освободит предмет своего обожания! Память о вкушенной горечи, о борьбе и достигнутом успехе примешивалась ко всем ее мыслям. Это была уже не прежняя простенькая девушка, чьи понятия были ограничены провинциальным воспитанием. Любовь и несчастье образовали ее. Чувство достигло в ней такого же развития, какого достиг разум в ее несчастном возлюбленном. Девушки легче научаются чувствовать, нежели мужчины — мыслить.

Ее приключения оказались назидательнее четырех летней монастырской жизни.

Одета она была до крайности просто. С отвраще-

нием смотрела она на убор, в котором предстала вчера перед своим жестоким благодетелем: алмазные серьги она оставила приятельнице, даже не поглядев на них. Смущенная и обрадованная, боготворя Простодушного и ненавидя себя, приближается она наконец к воротам.

Сей страшной крепости, твердыни злобной мести,

Где заточен порок с невинностию вместе[64].

Когда подъехали к месту заточения, она совсем обессилела, и кто-то помог ей выйти из кареты. Сердце ее трепетало, глаза были влажны, лицо печально. Ее приводят к коменданту, она хочет заговорить с ним, но голос ей изменяет. Едва пролепетав несколько слов, она протягивает грамоту. Коменданту был по душе узник, и он порадовался за него. Сердце у этого человека не ожесточилось, как у некоторых его собратьев, у тех почтенных тюремщиков, которые, помышляя только о жалованье, положенном за охрану заключенных, умножая свои доходы за счет несчастных жертв и строя благоденствие на чужой беде, втайне

[64] Примечания: 64
Вольтер цитирует свою поэму «Генриада» (песнь IV, стихи 456 — 457).

жестоко радуются слезам обездоленных.

Он вызывает узника к себе. Влюбленные встречаются, и оба теряют сознание. Прекрасная Сент-Ив долго лежала неподвижная и бездыханная, Простодушный же вскоре пришел в себя.

— Это, видимо, ваша супруга, — сказал ему комендант. — Вы не говорили мне, что женаты. Как мне передавали, своим освобождением вы обязаны ее великодушным заботам.

— Ах, я недостойна быть его женой, — дрожащим голосом проговорила прекрасная Сент-Ив и снова потеряла сознание. Очнувшись, она, по-прежнему дрожа, показала указ о денежной награде и патент на капитанский чин. Простодушный, растроганный не менее, чем удивленный, словно пробудился от одного сна, чтобы впасть в другой.

— За что меня здесь держали? Как удалось вам вызволить меня? Где изверги, из-за которых я сюда попал? Вы — божество, сошедшее с небес, чтобы меня спасти.

Прекрасная Сент-Ив то потуплялась, то снова взглядывала на возлюбленного, но тотчас заливалась краской и отводила в сторону глаза, увлажненные слезами. Наконец она сообщила ему все ведомое ей и испытанное ею, за исключе-

нием лишь того, что желала бы скрыть и от самой себя и что всякому другому, лучше знающему свет и посвященному в придворные обычаи, чем Простодушный, сразу стало бы ясно.

— Как же это может быть, чтобы какой-то негодяй, вроде вашего судьи, мог лишить меня свободы? Я вижу, что люди подобны самым мерзким животным: всякий старается навредить ближнему. Но возможно ли все-таки, чтобы монах, иезуит, королевский духовник, содействовал моему несчастью в такой же мере, как и нижнебретонский судья, причем я даже представить себе не могу, под каким предлогом этот гнусный проходимец подверг меня гонениям? Но неужели вы все время помнили обо мне? Я этого не заслужил; в те времена я был настоящим дикарем. И вы решились, не получив ни от кого ни совета, ни помощи, совершить путешествие в Версаль? Вы появились там, и мои цепи разбиты! Есть, стало быть, в красоте и добродетели непобедимое очарование, перед которым распахиваются железные ворота и смягчаются каменные сердца!

При слове «добродетель» прекрасная Сент-Ив разрыдалась. Она не сознавала, какая добродетель была в том преступлении, за которое так себя корила.

— Ангел, расторгнувший мои узы, — продолжал ее возлюбленный, — если у вас оказались столь сильные связи (кстати, я о них и не подозревал), что вам удалось добиться моего оправдания, то добейтесь того же и для старца, который впервые научил меня мыслить, подобно тому как вы научили любить. Горе сблизило нас с ним; он мне дорог, как родной отец, и я не могу жить ни без вас, ни без него.

— Я? Чтобы я обратилась с ходатайством к человеку, который…

— Да, я хочу навеки и всем быть обязанным вам и только вам: напишите этому влиятельному человеку, осыпьте меня благодеяниями, довершите начатое, увенчайте и этим чудом уже содеянные чудеса.

Она чувствовала, что должна исполнить все, чего требует возлюбленный: она села писать, но рука ей не повиновалась. Трижды принималась она за письмо и трижды его рвала, потом все же написала и вместе с Простодушным вышла из тюрьмы, обняв на прощание мученика искупительной благодати.

Счастливая и полная отчаянья, Сент-Ив знала, в каком доме живет ее брат; она пошла туда; в том же доме снял помещение и ее возлюбленный.

Не успели они прийти, как покровитель уже прислал ей приказ об освобождении из-под стражи почтенного старца Гордона и просьбу о свидании на завтра. Итак, ценою ее каждого справедливого и великодушного поступка было бесчестие. Обычай торговать людским счастьем и несчастьем казался ей омерзительным. Приказ об освобождении она передала Простодушному, а от свидания наотрез отказалась, ибо от одного вида своего благодетеля умерла бы от стыда и горя. Простодушный согласился на время расстаться с ней только затем, чтобы освободить друга: он немедленно отправился в тюрьму. Выполняя этот долг, он размышлял о том, какие удивительные события происходят в этом мире, и восхищался отважной добродетелью девушки, которой два несчастливца были обязаны больше, чем жизнью.

Глава девятнадцатая. Простодушный, прекрасная Сент-Ив и их родственники оказываются в сборе

Великодушная и достойная уважения изменница находилась в обществе своего брата, аббата де Сент-Ив, м-ль де Керкабон и приора храма Горной богоматери. Все были в одинаковой мере удивлены, но чувства и положение у всех были разные. Аббат де Сент-Ив оплакивал свою вину у ног сестры, сразу его простившей. Приор и его добрая сестра плакали тоже, но от радости. Негодяй судья и его несносный сын не нарушали своим присутствием этой трогательной сцены: они поспешили уехать, едва разнесся слух об освобождении их врага, и укрыли в провинциальной глуши и свою глупость, и свои страхи.

Всех четырех обуревало множество самых разнообразных тревог, пока они дожидались возвращения молодого человека и его друга, которого он должен был освободить. Аббат де Сент-Ив не смел взглянуть сестре в глаза. Добрая м-ль де Керкабон приговаривала:

— Итак, я снова увижусь с моим дорогим племянником.

— Да, вы с ним увидитесь, — подтвердила прелестная Сент-Ив, — но это уже не тот человек. Осанка, тон, сбраз мыслей, ум — все стало у него другим. Насколько прежде он был несведущ и простоват, настолько теперь достоин уважения. Он станет гордостью и утешением вашей семьи, а вот мне не суждено осчастливить свою семью!

— Вы тоже не та, что прежде, — сказал приор — Скажите, почему вы так переменились?

Во время этого разговора появился Простодушный об руку с янсенистом. Разыгралась новая, еще более трогательная сцена. Началась она с нежных объятий дядюшки, тетушки и племянника. Аббат де Сент-Ив чуть не пал на колени перед Простодушным, который уже не был простодушным. Любовники переговаривались взглядами, выражавшими все переполнявшие их чувства. На лице одного сияли удовлетворение и благодарность, в нежных, несколько растерянных очах другой читалось смущение. Всех удивляло, что к ее великой радости примешивается скорбь.

Старик Гордон мгновенно стал дорог всей семье. Он терпел страдания вместе с юным узником, и это наделило его великими правами. Свободой он

был обязан обоим влюбленным — как же мог он не примириться с любовью? Янсенист отказался от суровости былых своих воззрений и, подобно гурону, стал настоящим человеком. В ожидании ужина каждый поведал о своих злоключениях. Аббаты и тетушка слушали, как дети, которым рассказывают сказку о привидениях, и как люди, глубоко взволнованные повестью о столь тяжких бедствиях.

— Увы! — сказал Гордон. — Пятьсот, а то и более добродетельных людей томятся сейчас в таких же оковах, какие удалось разбить мадемуазель де Сент-Ив, но их страдания никому не ведомы. Истязать несчастных — на это всегда хватает рук, а мало кто протягивает руку помощи.

Это столь справедливое заключение вызвало у старика новый прилив умиления и благодарности. Торжество прекрасной Сент-Ив было полное: все восторгались величием и твердостью ее души. К восторгу примешивалось и то почтение, которое невольно вызывает человек, имеющий, по общему мнению, вес при дворе. Однако время от времени аббат де Сент-Ив приговаривал:

— Как это удалось моей сестре сразу же приобрести такой вес?

Они решили пораньше сесть за ужин. Но вот

появляется версальская приятельница, ничего не знающая о том, что произошло за этот день; она подкатывает в карете, запряженной шестеркой лошадей: кому принадлежит этот выезд, понятно без объяснений. Она входит с внушительным видом придворной дамы, приветствует собравшихся легким кивком головы и отводит в сторону прекрасную Сент-Ив.

— Что же вы мешкаете? Едем со мной; вот забытые вами алмазы. Она произнесла эти слова недостаточно тихо, и Простодушный их услышал; он увидел алмазы: брат прекрасной Сент-Ив был ошеломлен, а дядюшка и тетушка, в простоте душевной, только удивлялись невиданному великолепию серег. Молодого человека, которого воспитал год напряженных раздумий, это происшествие невольно повергло в недоумение, и на минуту он, видимо, встревожился. Его возлюбленная это заметила, ее пленительное лицо смертельно побледнело, она задрожала и едва устояла на ногах.

— Ах, сударыня — сказала она злополучно свое приятельнице. — Вы погубили меня! Вы меня убиваете!

Ее восклицание пронзило сердце Простодушного, но теперь он научился владеть собой и

промолчал из опасения взволновать возлюбленную в присутствии ее брата, однако побледнел, как и она. Сент-Ив, потеряв голову при виде того, как изменился в лице ее избранник, выводит женщину из комнаты в тесные сени и швыряет на пол алмазы.

— Не они соблазнили меня, вы это отлично знаете! Тот, кто подарил их, никогда больше меня не увидит. Подруга подобрала серьги, а Сент-Ив продолжала:

— Пусть он возьмет их себе или подарит вам. Уходите и не заставляйте меня больше стыдиться самой себя.

Посланница наконец ушла, так и не поняв тех терзаний совести, свидетельницей которых была.

Прекрасная Сент-Ив, измученная горем, ослабевшая и задыхающаяся, принуждена была лечь в постель; не желая тревожить родных, она умолчала о телесных страданиях и, сославшись на усталость, попросила позволения немного отдохнуть, успокоив сперва всех утешительными и ласковыми словами и несколько раз взглянув на возлюбленного таким взором, что вся его душа воспламенилась.

Ужин, не оживленный присутствием прекрас-

ной Сент-Ив, начался печально, но это была та плодотворная печаль, которая порождает полезную и содержательную беседу, столь отличную от суетного веселья, за которым обычно так гонятся люди и которое сводится обычно лишь к докучному шуму.

Гордон вкратце рассказал о янсенизме и молинизме, а также о гонениях, которым одна сторона подвергала другую, и об упорстве, проявленном обеими. Простодушный осудил и ту и другую и высказал сожаление по поводу того, что люди, не довольствуясь распрями, которые возникают между ними из-за существенных благ, навлекают на себя беды из-за несуществующих призраков и невнятных бредней. Гордон рассказывал, Простодушный критиковал, остальные слушали с волнением, и разум их озарялся новым светом. Толковали о длительности наших невзгод и быстротечности жизни, о том, что в каждом ремесле есть свои пороки и свои опасности, что нет человека, будь то вельможа или нищий, который не служил бы укором людской природе. Сколько на свете людей, которые за какие-то гроши становятся гонителями, истязателями, палачами себе подобных! С каким нечеловеческим равнодушием сановный человек подписывает приказ,

разрушающий счастье целой семьи, и с какой еще более варварской радостью выполняют этот приказ наемники!

— В юности, — сказал Гордон, — я встречался с родственником маршала де Марильяка[65], скрывавшимся под вымышленным именем в Париже из-за преследований, которым он подвергался у себя в провинции в связи с делом этого прославленного и несчастного вельможи. Родственнику маршала, о котором я говорю, было семьдесят два года. В таких же примерно годах была и неразлучная с ним жена. Их сын, отличавшийся распутством, в четырнадцатилетнем возрасте бежал из родительского дома; став солдатом, а потом дезертиром, он прошел все ступени разврата и нищеты. Наконец, приняв новую фамилию по названию родового поместья, он поступил в гвардейскую часть к кардиналу де Ришелье (ибо у этого священнослужителя, как потом у Мазарини, была своя гвардия) и стал в этом сборище сателлитов ефрейтором. Ему было поручено арестовать старика и его супругу, и он поспешил исполнить поручение со всей жесто-

[65] Примечания: 65

Марильяк Луи (1573 — 1623) — французский военачальник, маршал Франции; был уличен в интригах против кардинала Ришелье и казнен.

костью человека, жаждущего угодить хозяину. Конвоируя их, негодяй слышал, как они сетовали на неисчислимые бедствия, испытанные ими с колыбели. Распутство сына и его побег были для отца и матери Одним из величайших несчастий их жизни. Он узнал родителей и тем не менее отвел их в тюрьму, заявив, что главным своим долгом почитает службу его преосвященству. Его преосвященство щедро наградил проходимца за усердие.

Я был свидетелем того, как некий шпион отца де Ла Шез предал родного брата в надежде получить выгодную духовную должность, которая, однако, так ему и не досталась; этот человек умер, но не от угрызений совести, а от досады на обманувшего его иезуита.

Обязанности духовника, долгое время исполняемые мною, близко познакомили меня с жизнью многих семги; я не видел ни одной, которая не утопала бы в горестях, тогда как вне дома, прикрывшись личиной веселья, все они, казалось, купались в довольстве. И я не преминул обнаружить, что почти все большие несчастья оказываются следствием нашего необузданного корыстолюбия.

— А вот я полагаю, — сказал Простодушный, —

что честный, благородный и чувствительный человек может прожить счастливо, и твердо рассчитываю, соединившись с прекрасной и великодушной Сент-Ив, вкушать ничем не омраченное блаженство, ибо льщу себя надеждой, — добавил он, обращаясь с дружелюбной улыбкой к ее брату, — что не получу от вас отказа, как в прошлом году, и что сам на этот раз буду вести себя более пристойно. Аббат рассыпался в извинениях и стал всячески заверять Простодушного в своей безграничной преданности ему.

Дядюшка Керкабон сказал, что в его жизни не было дня счастливее, чем этот. Добрая тетушка, восторгаясь и плача от радости, воскликнула:

— Я же говорила, что не быть вам иподьяконом! Но это таинство еще лучше, чем то; бог не дал мне познать его, но я заменю вам мать.

Тут все наперебой принялись хвалить нежную Сент-Ив. У ее нареченного сердце было так переполнено тем, что она сделала для него, он так ее любил, что происшествие с алмазами его не смутило. Но отчетливо услышанные им слова: «Вы меня убиваете!» — продолжали пугать Простодушного и отравляли ему радость, в то время как от похвал, расточаемых прекрасной Сент-Ив, его любовь все возрастала. Напоследок

перестали толковать только о ней и повели речь о заслуженном обоими любовниками счастье; сговаривались, как бы поселиться всем вместе в Париже; строили предположения о грядущем богатстве и славе; предавались тем надеждам, которые так легко зарождаются при малейшем проблеске удачи. Но Простодушный, повинуясь какому-то тайному чувству, гнал от себя эти мечты. Он перечитывал обязательства, данные Сен-Пуанжем, и указы за подписью Лувуа, слушал описания этих людей, основанные на истине или, напротив, на заблуждении; каждый из присутствующих рассуждал о министрах и министерствах с той застольной свободой, которая во Франции почитается самой драгоценной из всех свобод.

— Будь я французским королем[66], — сказал Простодушный, — я избрал бы военным министром человека знатнейшего рода, ибо у него в подчинении дворяне; я потребовал бы, чтобы он был офицером, который, начав с младшего чина, дослужился, по крайней мере, до генерал-

[66] Примечания: 66

Далее Вольтер перечисляет качества, которыми, на его взгляд, обладал герцог Этьен-Франсуа де Шуазель (1719 — 1785), министр иностранных дел Людовика XV. Писатель поддерживал с Шуазелем дружеские отношения.

лейтенанта армии, достойного производства в маршалы: ибо разве можно, не служа, узнать как следует все тонкости службы? И разве не стали бы офицеры во сто крат охотнее выполнять приказы военного человека, который, как и они, сотни раз выказывал мужество, нежели приказы человека кабинетного, который, как бы он ни был умен, может руководить военными действиями только наугад? Я был бы не прочь, чторы во сто крат охотнее выполнять приказы военного чиняло иной раз затруднения королевскому казначею. Мне было бы приятно, чтобы работа у него спорилась и чтобы он отличался той остроумной веселостью, которая присуща лишь даровитым деятелям: она по душе народу, и благодаря ей любое бремя перестает быть тягостным.

Простодушному потому хотелось, чтобы у министра был такой нрав, что он не раз замечал: хорошее расположение духа несовместимо с жестокостью.

Возможно, монсеньер де Лувуа остался бы недоволен подобными пожеланиями Простодушного, поскольку его достоинства были совсем иного рода.

Меж тем, пока они сидели за столом, болезнь несчастной девушки приняла зловещий харак-

тер; начался сильный жар, открылась пагубная горячка; прекрасная Сент-Ив страдала, но не жаловалась, стараясь не отравлять общую радость.

Брат, зная, что она не спит, подошел к ее изголовью: ее состояние поразило его. Сбежались все, вслед за братом пришел возлюбленный. Он был более всех встревожен и опечален; но ко всем дарам, которыми наделила его природа, теперь присоединилась еще и сдержанность; тонкое понимание благопристойности заняло в его душе важнейшее место.

Тотчас же вызвали жившего по соседству врача, из той породы медиков, что на скорую руку осматривают больных, путают недавно виденный недуг с тем, который видят сейчас, упрямо следуют рутине в той науке, которая остается опасно шаткой, даже когда ею занимаются люди, обладающие здравым, зрелым и осмотрительным разумом. Этот врач, поспешив прописать больной модное в то время лекарство, лишь ухудшил ее состояние. Мода повсюду, даже во врачевании! В Париже это просто повальное помешательство.

И все же усугубил болезнь Сент-Ив не столько врач, сколько гнет горестных раздумий. Душа убивала тело. Мысли, обуревавшие ее, вливали в

вены страдалицы отраву более губительную, чем яд самой лютой горячки.

Глава двадцатая. Прекрасная Сент-Ив умирает, и какие проистекают отсюда последствия

Призвали другого врача, этот, вместо того чтобы прийти на помощь природе, предоставив ей полную свободу в борьбе за молодое существо, все органы которого взывали к жизни, только и делал, что препирался с собратом по ремеслу. Через два дня болезнь стала смертельной. Мозг, который считается обиталищем разума, был поражен так же сильно, как и сердце, которое, как говорят, является обиталищем страстей.

«Какая непостижимая механика подчиняет наши органы воздействию чувства и мысли? Каким образом одна-единственная горестная мысль нарушает обращение крови? И, с другой стороны, каким образом расстройство кровообращения влияет на разум человека? Какой неведомый, но, бесспорно, существующий ток, более быстрый и деятельный, чем свет, проносится по всем жизненным руслам, порождает ощущения, воспоминания, грусть или веселье, разумное суждение или безумный бред, заставляет вспом-

нить с ужасом о том, что хотелось бы забыть, и обращает мыслящее животное либо в предмет восхищения, либо в предмет жалости и слез?»

Так думал добрый Гордон, но эти столь естественные размышления, тем не менее так редко приходящие людям в голову, ничуть не уменьшали его горести, ибо он не принадлежал к числу тех несчастных философов, которые силятся быть бесчувственными. Участь девушки печалила его, как отца, наблюдавшего за медленным умиранием любимого ребенка. Аббат де Сент-Ив был в отчаянии; у приора и у его сестры слезы лились ручьем. Но кто сумел бы описать состояние ее возлюбленного? Ни на одном наречии не подыскать слов, способных выразить это невыразимое горе: человеческие наречия слишком несовершенны.

Тетушка, сама еле живая, немощными руками поддерживала голову умирающей; в изножье кровати преклонил колени брат; возлюбленный сжимал ей руку, орошая ее слезами, и громко рыдал; он называл ее своей благодетельницей, своей надеждой и жизнью, половиной своего существа, своей любимой, своей женой. При слове «жена» она вздохнула, посмотрела на него с невыразимой нежностью и вдруг вскрикнула от ужаса; потом, в один из тех промежутков, когда

изнеможение, подавленность и страдания не так сильно давали себя знать и душа ее вновь обрела свободу, она воскликнула:

— Я? Ваша жена? О мой возлюбленный, это название, это счастье, эта награда не для меня; я умираю, и смерть моя заслуженна. Ангел души моей, вы, кого я принесла в жертву адским демонам! Вы видите, все кончено, я понесла наказание, живите счастливо.

В этих нежных и страстных словах таилась неразрешимая загадка, но они заронили в сердца ее близких ужас и сочувствие. У нее хватило мужества объясниться, и при каждом ее слове присутствующие содрогались от изумления, горя и сострадания. Все, как один, прониклись ненавистью к могущественному человеку, который согласился устранить вопиющую несправедливость лишь пенею преступления и вынудил благородную невинность стать его сообщницей.

— Как? Вы виноваты? — сказал ей возлюбленный. — Нет, это неправда; преступление может быть совершено, только если в нем принимает участие сердце; а ваше сердце предано добродетели и мне.

Он выражал свои чувства словами, которые, казалось, возвратам! жизнь прекрасной Сент-Ив.

Утешенная в своей скорби, она тем не менее удивлялась, что ее продолжают любить. Старый Гордон осудил бы ее в былые времена, когда был всего лишь янсенистом, но теперь, превратившись и мудреца, воздавал ей должное уважение и плакал.

В то время как столько было слез и тревог, как все сердца были удручены и полны опасений за жизнь прекрасной Сект-Ив, — вдруг говорят, что прибыл придворный гонец. Гонец? От кого же? И зачем? Оказалось, что он явился к приору храма Горной богоматери от имени королевского духовника; но писал не отец де Ла Шез, а брат Вадбле, его прислужник, человек в ту пору очень влиятельный: это он передавал архиепископам волю его преподобия, принимал посетителей, обещал духовные должности, а иной раз даже писал приказы о взятии под стражу. Он сообщал аббату храма Горкой богоматери, что «его преподобие осведомлен о происшествии с его племянником, который по ошибке был заточен в тюрьму; такие мелкие неприятности случаются часто, и на них не надо обращать внимания. Приору надлежит завтра привести на прием своего племянника, захватив с собою и достопочтенного Гордона, а он, брат Вадбле, представит их его преподо-

бию и монсеньеру де Лувуа, который скажет им несколько слов у себя в приемной».

Он добавлял, что об истории Простодушного и о его сражении с англичанами было доложено королю, что король, наверное, соизволит заметить его, когда будет следовать по галерее, — может быть, даже кивнет ему головой. Письмо кончалось лестными для него предположениями, что все придворные дамы будут, вероятно, подзывать к себе его племянника, что многие из них даже скажут ему: «Здравствуйте, господин Простодушный», — и что о нем, несомненно, пойдет речь за королевским столом. Письмо было подписано: «Преданный вам Вадбле, брат иезуит».

Когда приор вслух прочитал это письмо, его племянник рассвирепел, но, совладав на время со своим гневом, ничего не сказал подателю письма; обратившись к товарищу по несчастью, он спросил, какого тот мнения о слоге этого послания. Гордон ответил:

— С людьми здесь обращаются, как с обезьянами: бьют, а потом заставляют плясать.

Простодушный, снова сделавшись самим собой, что случается всегда при больших потрясениях, изорвал письмо в клочки и швырнул посланному в лицо:

— Вот мой ответ.

Его дядюшке почудилось со страху, будто грянул гром и целых два десятка приказов об аресте свалилось ему на голову. Он быстро настрочил ответ и попросил, как умел, прощения за племянника, допустившего то, в чем приор усмотрел юношескую заносчивость и что в действительности было проявлением душевного величия.

Однако более тягостные заботы заполнили тем временем все сердца. Несчастная красавица Сент-Ив чувствовала, что конец ее близок; она была спокойна, но тем ужасным спокойствием ослабевшего организма, который уже не в силах бороться.

— О мой любимый! — сказала она угасающим голосом. — Смерть карает меня за мой проступок, но я утешаюсь сознанием, что вы на свободе. Я любила вас, изменяя вам, и люблю, прощаясь с вами навеки.

Ей чужда была показная твердость духа и то жалкое тщеславие, которое жаждет, чтобы два-три соседа сказали: «Она мужественно приняла смерть». Можно ли без сожалений и без раздирающей душу тоски в двадцать лет навеки терять возлюбленного, жизнь и то, что именуется «честью»! Она чувствовала весь ужас своего

положения и давала почувствовать его долгим словами и меркнущим взглядом, которым присуща такая властная выразительность. И она плакала вместе со всеми в минуты, когда хватало сил плакать.

Пусть иные восхваляют пышную кончину тех, кто бесчувственно расстается с жизнью, — но таково ведь поведение и любого животного! Мы только тогда умираем равнодушно, когда возраст или болезнь, притупляя наше понимание, уподобляют нас животным. У кого великие утраты, у того и великие сожаления; если же он заглушает их, стало быть, вплоть до объятий смерти хранит в душе тщеславие.

Когда наступило роковое мгновение, у всех присутствующих хлынули слезы и вырвались стоны. Простодушный лишился сознания. У людей, сильных духом, если им свойственна нежность, чувства проявляются более бурно, чем у других. Добрый Гордон, который знал его достаточно хорошо, опасался, как бы, придя в себя, он не покончил с собой. Убрали все оружие; несчастный молодой человек заметил это; без слез, без упреков, без волнения сказал он своим родным и Гордону:

— Неужели вы думаете, что есть на земле чело-

век, который имел бы право и мог бы помешать мне совершить самоубийство?

Гордон воздержался от повторения тех скучных общих мест, с помощью которых пытаются доказать, что человек не имеет права воспользоваться своей свободой и лишить себя жизни, когда жить ему больше невмоготу, что не следует уходить из дому, когда нет больше сил в нем оставаться, что человек на земле — как солдат на посту: как будто Существу Существ есть дело до того, в этом ли или в другом месте находится данное соединение частиц материи! Все это — тщетные доводы, которых не послушается твердое и обдуманное отчаяние и на которые Катон ответил ударом кинжала[67].

Угрюмое, грозное молчание Простодушного, его мрачные глаза, дрожащие губы, озноб, пробегавший по его телу, вселяли в сердца тех, кто глядел на него, ту смесь сострадания и ужаса, которая сковывает все душевные движения, исключает возможность слов и проявляется только в виде несвязных восклицаний. Прибежала хозяйка гостиницы вместе со своим семейством; все трепетали при виде его скорби, с него не спускали

[67] Примечания: 67

Деятель римской республики Катон Младший (95 — 46 гг. до н. э.) покончил в собой, потерпев поражение в борьбе с Юлием Цезарем.

глаз, следили за всеми его жестами. Оледеневшее тело прекрасной Сент-Ив вынесли в залу с низким потолком, подальше от глаз Простодушного, который, казалось, еще искал ее, хотя больше ничего уже не мог видеть.

В то время, когда смерть являла такое зрелище, когда тело уже было выставлено у дверей дома и два священника, стоя у кропильницы, рассеянно читали молитвы, а прохожие от нечего делать брызгали на гроб святой водой или равнодушно шли своей дорогой, когда родные плакали, а жених готов был лишить себя жизни, — заявился вдруг Сен-Пуанж с версальской приятельницей.

Мимолетная прихоть, только единожды удовлетворенная, обратилась у него в любовь. Отказ от его благодеяний задел вельможу за живое. Отец де Ла Шез никогда и не подумал бы заглянуть в этот дом, но Сен-Пуанж, непрестанно воскрешая образ прекрасной Сент-Ив, горя желанием утолить страсть, которая после однократного наслаждения вонзилась в его сердце острым жалом, сам, не колеблясь, пришел за той, с кем не захотел бы увидеться и трех раз, если бы она явилась к нему по собственному почину.

Он выходит из кареты и первое, что видит, — это гроб; он отводит глаза с естественным отвраще-

нием человека, вскормленного наслаждениями и считающего, что должен быть избавлен от зрелища людского горя. Он собирается войти в дом. Женщина из Версаля спрашивает из любопытства, кого хоронят; ей говорят, что м-ль де Сент-Ив. При этом имени она бледнеет и громко вскрикивает; Сен-Пуанж оборачивается, его душа наполняется изумлением и скорбью. Добряк Гордон был тут же, весь в слезах. Прервав свои печальные молитвы, он сообщает царедворцу об ужасном несчастье. Он говорит с той властностью, которой наделяют человека скорбь и добродетель. Сен-Пуанж по природе не был злым; поток дел и забав увлек его душу, не успевшую познать себя. Он был еще далек от старости, которая обыкновенно ожесточает сердца вельмож, и слушал Гордона, потупившись, затем утер несколько слезинок, пролившихся, к его собственному удивлению: он изведал раскаяние.

— Я непременно хочу повидать, — проговорил он, — необыкновенного человека, о котором вы мне рассказали; он приводит меня почти в такое же умиление, как та невинная жертва, которая умерла по моей вине.

Гордон следует за ним в комнату, где приор, м-ль Де Керкабон, аббат де Сент-Ив и кое-кто из

соседей приводят в сознание молодого человека, лишившегося чувств.

— В вашем несчастье повинен я, — сказал ему помощник министра, — и готов потратить всю жизнь на то, чтобы его загладить.

Первым побуждением Простодушного было убить его, а затем и себя. Это было бы всего уместнее, но он был безоружен и за ним зорко следили. Сен-Пуанжа не расхолодили отказы, сопровождавшиеся укорами, а также знаками презрения и отвращения, вполне им заслуженными.

Время смягчает все. Монсеньеру де Лувуа удалось в конце концов сделать из Простодушного превосходного офицера, который под другим именем появился в Париже и в армии, заслужил одобрение всех порядочных людей и неизменно выказывал себя истинным воином, равно как и философом.

О былом он никогда не говорил без стенаний, а между тем все его утешение было в том, чтобы говорить о нем. До последнего мига жизни чтил он память нежной Сент-Ив. Аббат де Сент-Ив и приор оба получили выгодные духовные должности. Добрая м-ль де Керкабон утвердилась во мнении, что воинские почести — лучший удел для ее племянника, чем сан иподьякона. Алмазные

серьги так и остались у версальской богомолки, которой был преподнесен еще один прекрасный подарок. Отец Тут-и-там получил много коробок шоколада, кофе, леденцов, лимонных цукатов, а в придачу еще «Размышления преподобного отца Круазе»[68] и «Цвет святости» [69] в сафьяновых переплетах. Добрый Гордон до самой смерти был в теснейшей дружбе с Простодушным; он тоже получил хороший приход и навсегда позабыл и об искупительной благодати, и о соприсутствующей помощи. «Нет худа без добра», — такова была его любимая поговорка. А сколько на свете честных людей, которые могли бы сказать: «Из худа не бывает добра!»

[68] Примечания: 68

«Размышления преподобного отца Круазе» — одна из многочисленных душеспасительных книг французского иезуита конца XVII в. отца Круазе.

[69] Примечания: 69

«Цвет святости» — книга испанского иезуита Рибаденейры (1599).